Айлин Лин
Старое поместье
Батлера

Айлин Лин

Старое поместье Батлера

«Автор»

2023

Лин А.

Старое поместье Батлера / А. Лин — «Автор», 2023

Всегда думала, что параллельные реальности — это вымысел. А уж чтобы самой оказаться в Ирландии семнадцатого века и заподозрить не могла. Но теперь я тут и зовут меня не Маша, а Грейс, и моя новая семья совсем не простая, а самая что ни на есть аристократическая. И всё бы ничего, если бы папенька-граф не пропил всё состояние, оставив нас ни с чем, и даже без крыши над головой. Но я не кисейная барышня, характер волевой и сообразительности всегда хватало, да и профессия у меня в прошлой жизни была нужная, востребованная, так что без хлеба не останемся. Главное живы-здоровы, остальное заработаем!Подписка.Проды четыре раза в неделю.Спасибо всем, кто ставит звёзды и оставляет комментарии! Получая их, я понимаю, что вам нравится моя история)))

© Лин А., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Глава 6 20
Глава 7 23
Глава 8 26
Глава 9 31
Глава 10 34
Глава 11 37
Глава 12 41
Глава 13 44
Глава 14 47
Глава 15 51
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Айлин Лин
Старое поместье Батлера

Глава 1

Карета подскочила на очередной кочке, причиняя почти привычную боль пятой точке и волной расходясь дальше, в сторону ноющей поясницы. Я устало вздохнула, но тихо, чтобы не потревожить чуткий сон мамы, дремавшей напротив. Дилижанс катил нас по пыльной ухабистой дороге в неизвестность, и в глубине души я надеялась, что на новом месте у нас получится начать всё сначала и стать счастливее, чем есть сейчас. Несмотря на то, что вера во всё светлое и доброе стремились сломить, наверное, не менее сотни раз, а нашу с мамой гордость втоптать в грязь, но у них так ничего и не получилось. Моя жизнелюбивая натура неизменно брала верх.

Сосед – тучный мужчина лет пятидесяти снова попытался найти в моём лице опору для своих внушительных габаритов, заодно использовав моё плечо в качестве подушки. От него пахло застарелым потом и дешёвыми сигарами. Меня чуть не стошнило, еле удержалась. Сколько раз мама пыталась поменяться с ним местами – не счесть, и всё безрезультатно. Впрочем, я предлагала пересесть на моё место мадам Уолш, мистеру Жорану, и мистеру Брэди, и тоже не преуспела.

Мистер Добреман всеми правдами и неправдами старался обратить моё внимание к его колоритной фигуре и добиться благосклонности. Но ничего, кроме холодности, так и не получил.

Зло выдохнув, резко ткнула своим острым локотком в бок соседу. Тот тут же охнул, распахнул глаза и сонно заозирался, часто моргая.

– Дурацкая дорога! Я себе всё напрочь отбил, и вдобавок теперь у меня закололо в боку! – проворчал он, все три подбородка возмущённо затряслись, но на этом мужчина не остановился, вскинул руку и стукнул по крыше дилижанса. – Эй, возничий!

Мистер Добреман вёл себя грубо и шумно, естественно, остальные пассажиры тут же проснулись и обратили всё своё внимание на разошедшегося толстячка.

Транспорт замедлил ход, а после и вовсе остановился. Не прошло и минуты, как дверца кареты распахнулась и к нам заглянул молодой человек с ярко-рыжими волосами и веснушчатым весёлым лицом.

– Чего стучим? – растянув бесформенный рот в добродушной улыбке, спросил он, при этом глядя на меня. – Леди, вам что-то понадобилось? Может, воды? Я мигом принесу! У меня ещё яблоко есть, хотите? – в грязной руке тут же появился симпатичный красный фрукт.

– Отстань от леди Грейс! Убери своё грязное подношение, для начала тебе не помешало бы помыть руки! – разбухтелся Добреман. – А вообще, это я стучал. Ты не собачьи кости везёшь, а людей! Которые к тому же заплатили за поездку. Имейте совесть, прекратите так гнать коней, – разъярённо бросил Добреман, а заметив, что Нолан продолжает смотреть только на меня, зло процедил: – Всё, сгинь с глаз моих! Передай своему начальнику, чтобы так не спешил, уже всё тело болит и колет, так окочуриться недолга!

– Спасибо, Нолан, за угощение. Но я не голодна, – едва заметно улыбнулась юноше, продолжавшему ждать от меня ответа.

– Понял, – радость на мгновение покинула простоватое лицо возничего, – леди, – неумело поклонился он мне, а потом маме, и сразу же громко хлопнул дверцей, иначе она просто не закрывалась.

– А почему только вам предложили воды? – тощая, как палка, мадам Уолш не мигая глядела своими глазками-буркалами куда-то в центр моего лба, по всей видимости, стремясь просверлить в нём дырку.

– Понятное дело, почему, – вместо меня первым раскрыл рот, вытиравший лоб вонючим платком Добреман, – потому, что леди Лерой очень хрупкая. И очень красивая, – вдруг добавил он, а матушка поперхнулась воздухом.

Мадам Уолш лишь презрительно фыркнула и замолчала, отвернувшись к окну.

Откашлявшись, мама с той непередаваемой холодностью, на которую были способны только люди, взращённые в среде аристократов, возмутилась:

– Мистер Добреман, вы забываетесь!

– Простите, леди Лерой, – тут же повинился мужчина, максимально притворно. А ещё одновременно с этим будто случайно прижался к моему боку ещё плотнее. Я едва не выпучила глаза от подобной тяжести и еле удержалась от крепкого словца, чуть не сорвавшегося с губ, потому что на меня пуще прежнего дохнуло тухлым потом и вонючей сигаретой.

– Будьте добры так не налегать! – сквозь зубы тихо прорычала я, стараясь не сорваться. Что-то в моём тоне насторожило мужика и он, поколебавшись секунду, отлип. Давая мне возможность продышаться.

– Через четверть часа остановка в Уэст Виллэдже! – крик старшего возничего зычно ворвался в приоткрытое окно.

Ура! Передышка, можно будет размять ноги, и где-нибудь перекусить. Ночевать в Уэсте не станем, дилижанс помчится в следующую точку – Питсборо, средней величины город и предпоследняя большая остановка перед землями, куда мы, собственно, и держим путь. В Питсборо пробудем два дня и после отправимся дальше.

Карета остановилась чуть позже обозначенного кучером времени, и мистер Жоран впервые за день открыл рот:

– Моя конечная остановка. Приятно было скоротать путь в такой интересной компании, – многозначительно добавил он, стрельнув блекло-голубыми глазами в мою маму, бесстрастно глядевшую в окно, сидевшую с невероятно ровной спиной и сложёнными на коленях руками.

Леди Мэделин Лерой являла собой образец аристократической утончённости и даже в таком месте держала себя, как королева. За время моего знакомства с ней я успела полюбить свою новую матушку, воспринимая её недостатки с добродушием и улыбкой. Все мы люди и Мэделин тоже, главное, какая она по отношению к себе и другим. Строгая, справедливая и очень добрая. Но быть собой она позволяла себе только с близкими людьми.

Для чужих же, не заслуживших её уважения, графиня Лерой надевала иную маску: холодного высокомерия, граничащего с презрением. Её непередаваемое умение одним лишь своим видом показать, что именно она думает о человеке, или ситуации в целом – считалось мной достойным восхищения, я так пока не умела, получалось откровенно смешно, даже коряво. Подобное поведение родительницы обуславливалось средой, в которой она выросла. А умение определять, что за личность перед ней, являлось особым даром Мэделин, коим она пользовалась просто виртуозно.

– Успехов вам, мистер Жоран, – доброжелательно кивнула я, остальные промолчали: на постных и, казалось бы, вечно недовольных лицах спутников читалась лишь одна мысль – поскорее покинуть душное замкнутое пространство дилижанса.

И вот, наконец-то, я стою на твёрдой земле, на гудящих ногах, при этом стараясь не сильно гримасничать от боли во всём теле.

– Дорогая, не морщи лоб, появится морщинка, – заметила матушка, становясь рядом со мной и с интересом осматривая старое вытянутое здание с узкими окнами. – Пойдём, нужно привести себя в порядок, сменить одежду, и поесть.

Я кивнула, соглашаясь, поскольку всё тело за сутки тряски чесалось и неприятно попахивало. Хотелось бы принять полноценную ванну, если, конечно, тут она есть. Но, скорее всего, нам предложат простую бочку с торчащими занозами.

Кроме нашего дилижанса, подле маленькой станции замер ещё один. Вот к нему и поспешил мистер Жоран. Вообще, мода на путешествия по стране во вместительных каретах только-только набирала обороты и считалась чем-то непривычным, даже экстравагантным. Но всё же спрос стремительно рос. В мелких и средних городах в качестве станции выбирался самый крайний и вместительный дом, а в крупных населённых пунктах таких остановок могло быть несколько, и каждый на свой "карман".

Село с громким названием "Уэст Виллэдж"совсем не впечатлял ни размерами, ни богатством. Обычная захудалая деревенька, коей повезло войти в маршрут компании "Пассажирские и почтовые перевозки Ридверсов", естественно, организованной при поддержке императора. Правда, в отличие от других селений, тут было гораздо более оживлённо, и даже отсюда я слышала удары молотков по доскам: шла стройка сразу в нескольких местах. Возможно, когда-нибудь тут действительно вырастет город, кто знает?

– Пойдём, мама, – вздохнула я, поправила шляпку и, подхватив женщину под руку, потянула её в сторону дома.

Нас встречал улыбчивый бородатый мужчина в старой рубахе и заношенных, но чистых штанах, подпоясанных верёвкой. Его жена что-то готовила в уличной печи и не обращала на вновь прибывших никакого внимания, так же, как и дети, помогавшие своим родителям по хозяйству. Впрочем, совсем маленькие нет-нет, да косились на нас с нескрываемым любопытством.

– Добро пожаловать в мой дом, – улыбнулся хозяин подворья, – меня зовут Бен Дойл, чем могу быть полезен?

Прим. автора:

В этом мире титулы выстраиваются таким образом: королевская семья (со своей собственной иерархией), затем герцоги, маркизы, графы, виконты и бароны. Каждый титул выступает отдельной аристократической единицей. Сыновья-наследники именуются просто лорд-наследник графства N, лорд-наследник герцогства M.

Милорд, лорд, леди – обращения к титулованному человеку в империи, а также лицо, носящее любой титул.

Глава 2

Двумя месяцами ранее

Ощущения во всём теле были самыми неприятными: голова чугунная, страшно болит затылок, трещат рёбра и гудят кости в ногах. Открыла глаза, но не сразу смогла сфокусироваться на увиденном. Проморгалась, сгоняя странную пелену и уставилась на полог бархатного балдахина, красивыми складками ниспадающий вниз.

Это совершенно точно не может быть больничной палатой. Паника кольнула сердце. Попробовала повернуть голову набок, чтобы увидеть больше, но стрельнувший острой болью затылок заставил сглотнуть навернувшиеся слёзы. Тихо зашипев, снова прикрыла веки.

Скрип открывающейся двери ни с чем не перепутать – кто-то вошёл в помещение. Природная осторожность не позволила проявить себя, потому просто прислушалась.

Ко мне подошли. Кто-то присел с краю и осторожно откинул одеяло, коим я была укрыта. Стало интересно. Посетитель аккуратно прощупал мои рёбра, я чуть приоткрыла глаза, сквозь щёлочку подглядывая за происходящим. Надо мной замер старичок с седой жидковатой козлиной бородкой и очками на узкой переносице. Пока я его тихо рассматривала, незнакомец прижал к моей груди вполне узнаваемую деревянную слуховую трубку, узкую в одном конце и расширяющуюся в другом.

– Доктор Смит, моя девочка будет жить? – слегка дрожащий, полный тревоги голос послышался справа.

Врач отложил стетоскоп и задумчиво, нисколько не стесняясь, громко пошамкал губами, и я невольно подумала, что, кабы не сильнейшая слабость во всём теле, то не сдержала бы улыбки – настолько забавно выглядел старичок.

– Понимаете, леди Лерой, – мужчина встал, а я снова плотно сомкнула веки, и вся превратилась в слух, – вылететь из двуколки на такой скорости и удариться о придорожный валун головой – это не за сутки лечится. У юной мисс сильно рассечён затылок, там большой синяк, было вывихнуто плечо, я его вправил. Рёбра в ссадинах. Как и вчера, повторюсь, молитесь Всевышнему… – сожалеющее добавил он.

– То есть, Грейс не выживет? – уже не сдерживаясь, ахнула женщина.

– Этого я не говорил. Ночь мисс Лерой выдержала, значит, можем надеяться на лучшее. Сердце бьётся сильнее, дыхание уже не такое рваное. Состояние больной улучшилось, пусть и ненамного. Просто продолжайте молиться… Со своей стороны я сделал всё возможное. Не забывайте давать целебную микстуру каждый час, прямо в рот с ложечки заливайте, губы смачивайте влажной тряпицей. Завтра я приду снова, но, если вдруг ей станет хуже, посылайте за мной карету.

– Хорошо, доктор Смит. Спасибо вам большое! – вздохнула его собеседница. – Пойдёмте, провожу вас.

– Благодарю. И вот ещё, – чуть понизил голос врач, – леди Лерой, вы не должны раскисать, ваш настрой влияет на мисс Грейс, она ведь всё чувствует. Посему чаще улыбайтесь и разговаривайте с ней, это пойдёт только на пользу.

– Да, поняла.

Послышалось шуршание одежды, и удаляющиеся шаги, хлопнула дверь. Меня оставили одну.

Медленно вдохнула, столь же не спеша выдохнула, ощущая тугую повязку на рёбрах. И снова распахнула глаза. Нужно собрать мысли в кучу.

Итак, каким-то невероятным образом я выжила. Хотя последней мыслью было, что мне не спастись, в лучшем случае переломаю все кости, оставшись калекой навсегда. Возможно, калекой я стала, поскольку тело не желало слушаться и казалось мешком со свинцом.

И угораздило же на спор оседлать толком необъезженного коня, а всё виновата моя уверенность, что животные чувствуют доброту в людях. Тот зверюга получается, ничего такого с моей стороны не ощутил, раз на всём скаку скинул меня со своей спины. Треск костей и тьма. Холодная, беспросветная. И вдруг я очнулась в незнакомой обстановке.

Дверь снова тихо скрипнула, я быстро притворилась спящей. Ко мне кто-то подошёл и поставил на прикроватную тумбочку что-то увесистое, звякнула посуда.

– Ох, девочка наша, – и столько жалости в словах говорившей. – Сейчас настойку дам, полегче станет. Доктор Смит умный, хороший. Его лекарство точно поможет вам побыстрее выздороветь.

Какое-то шебуршение и настойчивые руки незваной гостьи надавили на челюсть, чтобы я приоткрыла рот. И это стало последней каплей – я распахнула глаза и просипела:

– Где я?

Женщина охнула, чуть не выронив ложку с неприятно пахнущей жидкостью прямо мне на грудь.

– Мисс Грейс! Вы очнулись! Слава Всевышнему! Радость-то какая! – ложка отправилась на поднос, а незнакомка прытко рванула к двери.

Поглядев ей вслед, решилась осмотреться немного. Морщась и тихо выдыхая воздух сквозь крепко сжатые зубы, заставила себя медленно-медленно повернуть голову направо. Передышка. Я оказалась права: на тумбе стоял поднос с графином и двумя стаканами. С этой же стороны в трёх метрах от кровати расположилось большое окно, неплотно занавешенное портьерой, сквозь прореху в помещение прорывался тусклый солнечный свет, подле него (окна) пухлая софа, чуть дальше большой комод из тёмного дерева, уставленный какими-то шкатулками и вазочками. Всё увиденное было сделано из добротных и явно недешёвых материалов. Так же не спеша вернулась в исходную позицию.

Мысли в голове были чёткими, ясными, я ощущала физическую боль, каждое движение давалось с трудом. А что это значит? А то, что я жива и это не сон. Получается, все эти люди не плод воспалившегося воображения. Место, в котором очнулась, не больница и не моя квартира. Одновременно с этим ко мне обращаются по имени Грейс с приставкой леди-мисс.

Неужели я – попаданка? Да быть того не может! Не успела переварить этот крайне странный вывод, как в комнату вошла невысокая, хрупкая женщина, элегантно шурша муслиновым платьем, чуть ли не по воздуху подплыла ко мне. Следом за ней семенила та самая девушка, что пыталась влить в меня микстуру, если судить по одежде и чепчику на тёмных волосах, она была служанкой.

– Милая моя! – голубые глаза были полны нешуточной тревоги, в их прекрасной глубине плескалось самое настоящее беспокойство. – Как ты себя чувствуешь? – незнакомка присела на край кровати и, взяв мою вялую кисть в свою руку, некрепко сжала.

Пока она устраивалась, я постаралась внимательнее её рассмотреть. Волосы цвета спелой пшеницы собраны в изящный пучок, несколько прядей выбились из причёски, став дополнением к образу. Кукольное личико с белоснежной идеальной кожей так и приковывало взор. Тонкий длинноватый нос, высокие скулы, бледно-розовые губы, брови-ниточки. Очаровательная, ухоженная женщина чуть за сорок. А может, даже моложе. Тёмно-зелёное платье с многослойными юбками шуршало при каждом незначительном движении, длинные рукава, чуть расклёшенные книзу и глухой ворот с рядом мелких костяных пуговичек, казалось, вот-вот и задушит даму. Непривычно для меня, но вполне солидно и даже красиво.

Интересно, в каком мире и времени я оказалась? Если судить по шандалу, стоящему на той же тумбе у кровати, то электричества тут пока неизвестно. Я ещё не поворачивала голову налево, но, наверное, там расположен камин, и это подозрение вскоре также оправдалось.

– Хо-чу… пить… – шепнула, в глотке было сухо, как в пустыне, – и я не знаю, кто вы… кто я? – каждое слово, кстати, на непривычном мне английском языке, давалось с превеликим трудом. Задаваться вопросами, откуда я знаю местную речь, не стала – подумаю об этом позже.

Аквамариновые очи распахнулись шире, леди в отчаянии заломила кисти, прозрачные крупные слёзы сорвались с длинных ресниц и тяжело упали на шёлковое светлое покрывало. Но расплакаться дама себе не позволила и, быстро сморгнув солёную влагу, твёрдо сказала:

– Ну, ничего. Главное, что жива, с остальным справимся… Я твоя мама, графиня Мэделин Лерой. Ты Грейс, моя единственная дочь… – повернувшись к тихо стоявшей неподалёку девушке, добавила: – Сара, сходи за врачом, а Грега отправь за господином. Он наверняка знает, где сейчас находится граф Джон.

Глава 3

Мы остались наедине с.… мамой? Или мачехой? Но женщина произнесла именно "мама", а не что-то иное, получается, что у меня теперь есть родительница и, скорее всего, отец.

Дама смотрела на меня очень внимательно, словно видела впервые, слёзы в её глазах почти высохли.

– Вчера ты снова поступила безрассудно, – первой нарушила тишину она, – если таким образом ты пытаешься привлечь внимание отца и тем самым доказать ему что-то, то это неверное направление, в итоге приведшее тебя к травмам и чуть не оборвавшее жизнь, – нервно сцепив тонкие пальцы пианистки в замок, добавила она. – Грейс, не делай так больше, прошу…

– Хо-ро-шо, – по слогам ответила я, сглатывая вязкую слюну, при этом нисколько не покривила душой: в ближайшем будущем кататься на двуколке, какой бы она экстремальной ни была, не собиралась. Как и верхом.

– Надо же! – не удержала удивлённого восклицания Мэделин, – и ты не будешь спорить?

Даже если бы хотела, то сейчас не в состоянии, но вместо столь длинного предложения, я лишь чуть качнула головой.

– Славно, – кивнула леди, потом вдруг наклонилась вперёд и снова сжала мою безвольно лежащую на кровати ладонь. – Мистер Смит замечательный доктор, как хорошо, что он друг семьи и всегда приходит на выручку. Хочешь воды?

– Да…

Дама легко встала и подошла к прикроватной тумбе, налила в стакан воды и помогла мне сделать несколько глотков.

– Тебе, наверное, вот так лежать неудобно. Хочешь, подложу ещё одну подушку? – проницательно уточнила она, убирая стакан.

"Она мысли читать умеет?", – ужаснулась я, округлив в изумлении глаза. Неужели тут есть какая-то магия? Ох, куда же меня занесло?

Тем временем Мэделин подхватила другую подушку, с явным усилием приподняв меня за плечи, ловко подсунула её мне под голову. Стало удобнее и обзор лучше.

– Спа-си-бо… – вяло улыбнулась я.

– Выздоравливай, милая. Схожу на кухню, Грета наверняка уже приготовила свежий бульон, принесу тебе.

И тихо удалилась, более ничего мне не сказав. Мне бы хотелось завалить её вопросами, но пока я могла изредка выталкивать короткие фразы и хлопать глазами. А ещё я видела, как Мэделин тяжело переживает произошедшее, и откуда-то подспудно понимала, что во всём случившемся она винит почему-то себя.

Вздохнула, чувствуя ноющую, тупую боль в рёбрах и пульсацию в затылке. Девочка умерла, не пережив ночи. И каким-то невероятным, фантастическим образом в её тело переселилась моя душа. Вывод: в своём времени, возможно, мире, я тоже погибла.

Мне захотелось расплакаться, и я не стала сдерживаться: крупные слёзы потекли по щекам. Как же так?! Дома мне было всего-то сорок пять лет, замечательная карьера, муж. И что теперь? А вот это вот всё: богато обставленная спальня, с вычурной мебелью, светлым ковром на полу, камином, вазами с цветами. Женщиной, называющей себя моей матерью, служанкой Сарой и неким господином по имени Джон.

Казалось бы – радуйся! Тебе дали второй шанс. Но особого счастья не ощущалось, было тоскливо и сумрачно на душе. Несмотря на весь мой оптимизм, сейчас он как-то скукожился и не подавал признаков жизни.

Осознание произошедшего придавило каменной плитой. Как долго я так просидела, пялилась в закрытую дверь в другом конце комнаты – не ведаю. В итоге, устав и обессилев,

уснула. И снилась мне светлая солнечная поляна, а на ней любимый супруг срывал полевые цветы и что-то напевал… Грустное, но жизнеутверждающее.

– Милая, – Миша обернулся и встретился со мной глазами, – это тебе, – и протянул ко мне прекрасный милый букетик. Я протянула руку и приняла дар. Сердце защемило от боли. – Ты не плач, нос опухнет и превратится в красную картофелину, – как всегда, неказисто пошутил он, вызвав у меня улыбку, – не волнуйся, всё будет хорошо. Я тебя люблю…

– И я тебя… – тихо с трудом сорвалось с губ, я хотела было шагнуть к нему ближе и обнять, крепко-крепко, но ничего не получилось: что-то держало и не отпускало, когтистой лапой тянуло назад, в неизвестность… последнее, что увидела – грустную улыбку на лице Михаила, а потом его образ померк в невыносимой яркой вспышке…

– Мисс Грейс! – кто-то настойчиво сжал плечо, не крепко, но ощутимо.

Я Маша, не Грейс, но плечо было моим, поэтому пришлось открыть глаза и возмущённо уставиться на нарушителя спокойствия.

– Как вы себя чувствуете? – надо мной склонился тот самый забавный старичок в очках.

– Сносно, – грубовато бросила я, настроения было на нуле, желудок сводило судорогой от голода, тело болело, голова раскалывалась, хотелось помереть второй раз.

– Вполне приемлемый ответ, – не обиделся мужичок, снова доставая свою слуховую трубку, – прошу прощения, мне нужно вас осмотреть и проверить дыхание.

Я не стала сопротивляться, позволив ему проверить и сердцебиение, и ссадину на затылке и даже прощупать болящие рёбра.

– Неплохо, – почмокал он губами, – на удивление… Руки, ноги чувствуете?

– Да.

– Пошевелите-ка пальцами. Слабость присутствует, но это временно, она пройдёт… Так-с, есть хотите? – вдруг сменил он тему разговора, убирая стетоскоп в небольшой кожаный саквояж, что лежал в ногах кровати.

– Да…

– Леди Мэделин, суп готов? – обернулся врач к маме, замершей у окна.

– Сара сейчас принесёт.

– Мисс Грейс, поешьте горяченького, силы надо восстанавливать. Леди Мэделин, микстуру продолжаем давать ещё три дня, рану на затылке обрабатываем ею же. Я приду к вам через несколько дней, мне нужно отлучиться в соседний город, что-то сын приболел. А тамошний доктор им почему-то не пришёлся по душе.

– Вашего сына можно понять, лучше вас я ещё никого не встречала, – искренне улыбнулась мама.

– А теперь, юная леди, – мистер Смит присел на стул, стоявший рядом с кроватью, и размеренно заговорил: – Я буду спрашивать, а вы кивать или коротко отвечать. Сильно утруждаться не надо, вы всё ещё очень слабы. Знаете ли вы эту женщину? – кивок на мою новую родительницу.

– Нет…

– Совсем не помните? – уточнил врач, чуть нахмурив кустистые седые брови.

– Совсем.

Леди Лерой глухо всхлипнула, сжав ладони в кулаки до белых костяшек.

– Хмм, – мужчина потянулся к своему саквояжу и бережно извлёк из его недр какой-то предмет, завёрнутый в плотную ткань. Леди Лерой, будьте добры, распахните портьеры, так будет лучше видно.

Стоило шторам разойтись, как в помещение ворвался жидкий солнечный свет: небо было затянуто пеленой серых облаков, которые наверняка прольются противным мелким дождичком. Погода, равно настроение в моей душе.

– Посмотрите сюда, – позвал доктор и перед моим лицом возникло зеркало в дорогой медной оправе; стекло неплохого качества по краям было с пузырьками, но это обстоятельство нисколько не помешало мне рассмотреть новую себя.

Первое, на что обратила внимание – в этой жизни я блондинка, с красивым золотистым отливом. Правая часть лица припухла, на щеке внушительная ссадина. Глаза в данный момент были запавшими с тёмными кругами под ними, полные грусти и тоски, но красивые с миндалевидным разрезом и длинными густыми чёрными ресницами, и такие же голубые, как у мамы. Высокие скулы, аккуратный маленький носик, губки бантиком. Ангелочек, право слово! Как реагировать на себя же? В той жизни я была жгучая брюнетка, невысокого роста, поджарая, но не полная, очень подвижная. А сейчас девочка-клубничка. Фея из сказки. Тонкие ключицы, нежная, алебастровая кожа – истинная аристократка. Не внешность – мечта.

– Вы себя узнаёте? – пытливо вопросил доктор Смит.

– Нет, – вяло отмахнулась я, отворачиваясь от отражения.

– Ясно, – покивал мужчина, бережно убирая своё сокровище. – Леди Лерой, мне нужно поговорить с вами с глазу на глаз, – тут в дверь комнаты постучали, и в помещение вошла служанка, в руках она держала увесистый поднос, уставленный посудой.

– Пройдёмте в кабинет, доктор, – вздохнула мама. – Сара, покорми мисс Грейс. Грег ещё не вернулся?

– Нет, госпожа, его всё ещё нет. А мисс Грейс я подсоблю, не переживайте.

Глава 4

Доктор Смит оказался деликатным человеком, не став озвучивать диагноз при мне. Но я всё равно узнала, что у меня за болезнь. Амнезия. Ожидаемо, я на это и рассчитывала. И добавил, что, возможно, память ко мне не вернётся никогда, поскольку я даже свою внешность не узнала. Обо всём этом мне вечером рассказала Сара, та самая горничная, что присматривала за мной.

Леди Мэделин заходила пару раз и грустно на меня глядела, вздыхала, гладила по волосам, шептала что-то успокаивающее и уходила. Понять её чувства было несложно, хоть мне и не выпало счастья познать материнство. Сожаление, бессилие, вина – всё это и их тонкие оттенки, ощущала бедная женщина.

Когда она ко мне зашла перед сном, пожелать доброй ночи, я не выдержала и просипела:

– Всё будет хо-ро-шо… Не грус-ти…

– Ох, милая моя! – улыбнулась Маэделин, в прекрасных голубых глазах показались слёзы. – Ты права, мы непременно со всем справимся…

Ей не дали договорить, в приоткрытую дверь спальни долетели странные звуки: кто-то громко возмущённо кричал, а потом что-то смачно, вдребезги разбилось. Я удивлённо посмотрела на леди. Узкие плечи моей новой мамы вдруг напряглись, и без того прямая спина стала ещё ровнее; её щёки покрылись некрасивыми алыми пятнами, а руки судорожно смяли ткань муслинового платья.

– Грейс, я отправлю к тебе Сару. Ни о чём не волнуйся. Ты сейчас ничего не помнишь и оттого не понимаешь, но твой отец, граф Джон, неплохой человек. Просто знай это, – и, подобрав подол, быстро прошла на выход, плотно притворив за собой дверную створку.

Я снова осталась одна и растерянно глядела прямо перед собой. Выходит, "батюшка"любит побуянить? И он неплохой? Шестерёнки со скрипом завертелись, анализируя услышанное, увиденное и сказанное. Напрашивался очевидный вывод: в данный момент некий граф Джон, биологический отец моего нового тела, пьян. Вопрос только, как часто он прикладывается к бутылке: время от времени или на постоянной основе?

В дверь тихо, дробно постучали и тут же, не дожидаясь позволения войти, внутрь скользнула Сара. Тёмные глаза девушки взволнованно блестели. В руках она держала небольшой таз.

– Что там… проис-ходит? – выдавила я.

– Господин пришёл, – служанка подошла и поставила свою ношу на прикроватную тумбочку. – Позвольте, я обработаю вашу рану на голове и перетяну повязку на рёбрах. Давайте, помогу вам лечь набок.

– Как… мама… – последнее слово вырвалось с трудом, давно я его не произносила.

– Госпожа справится. Только она одна может его успокоить, использовав всего несколько слов.

Принять другую позицию оказалось совсем непросто. Я охала, ахала от боли в рёбрах, даже перед глазами мушки заплясали от испытываемых неприятных ощущений.

– Я ею восхищаюсь, – вдруг добавила Сара. – Вот та-ак, хорошо. Как вы?

– Тер-пи-мо, – выдохнула сквозь зубы, плотно прикрыв веки.

Послышались звуки выжимаемой тряпицы, потом какое-то шуршание, и к моему затылку аккуратно прижали что-то влажное. Я тихо зашипела.

– Потерпите, мисс Грейс, – участливо проговорила горничная. – Нужно нанести микстуру, доктор Смит сказал, чтобы я так делала утром и вечером. А ещё вам её надо каждый час принимать внутрь.

Её слова заставили поморщиться – несъедобная вязкая жижа, называемая целебной микстурой, воняла и была горькой, просто отвратительной на вкус. Я даже боялась спросить, что входит в её состав.

– Всё, готово! – обрадовали меня, и я вернулась в исходную позицию.

– Теперь сменить повязки, – деловито суетилась Сара, а я заподозрила её в любви к подобного рода процедурам.

Пока девушка осторожно снимала бинты, непривычные и слишком широкие из серой плотной ткани, я старалась понять, что происходит в доме. Но было тихо. Мне стало чуточку спокойнее. Мэделин произвела на меня приятное впечатление, и, если бы ей кто-то посмел навредить, я бы по-настоящему встревожилась и расстроилась. Вот вроде и знаю человека всего ничего, а уже переживаю.

Тем временам Сара закончила менять повязки и вернула одеяло на место.

– Давайте подушку переложим, чтобы вам было удобнее спать. Вам не холодно? – заботливо уточнила она.

– Нет. Если можно, не могла бы ты открыть окно?

– Да, конечно. Но прошёл дождь, и вы замёрзнете, – засомневалась девушка.

– Не волнуйся, распахни хотя бы немного, мне жизненно необходим свежий воздух, – я вяло улыбнулась и прикрыла веки.

– Задуть свечи?

– Будь добра, – апатично пробормотала я.

День прошёл быстро и всё время в полусне, но я так устала, будто разгружала вагоны с углём.

– Доброй ночи! – напоследок пожелала помощница и я услышала, как она тихо притворила за собой дверь.

Сон лечит, в этом не было никаких сомнений. И я, с трудом выбросив лишние мысли из гудящей головы, в итоге всё же уплыла в объятия Морфея…

– Грейс! – кто-то потряс меня за плечо, сначала не сильно, а потом, видать, не дождавшись реакции, как тряхнул, мои зубы громко противно клацнули, и я резко распахнула глаза. Мне ещё раз крепко сжали плечо, впиваясь стальными пальцами в плоть, и боль волной прокатилась к и без того ноющему затылку и прострелила в рёбрах. Я тихо застонала, но быстро уняв дыхание, рявкнула:

– Руки убери! – и вышло вполне чётко. На адреналине даже села, стряхивая с себя ненавистную лапу.

И зло уставилась на сидевшего на моей кровати мужчину.

Это пробуждение было гораздо неприятнее предыдущего, самого первого в новом мире.

– Ишь, раскричалась. Сейчас свечу запалю. Чего в потёмках-то сидеть, – сухо ответили мне. Незнакомец потянулся к шандалу, стоявшему на прикроватной тумбе, – грубишь отцу, вот до чего докатились.

Так это мой новый папенька, от которого за версту несло отвратительным перегаром. И ещё чем-то кислым. Давно не мытым телом? Фу-у!

В свете занимающегося рассвета рассмотреть его лицо не представлялось возможном, к тому же он сидел спиной к окну. Мужчина ловко зажёг фитилёк свечи, и комната озарилась приятным, тёплым светом, и вот я рассматриваю правильные черты лица человека лет пятидесяти. Осунувшееся, с многодневной щетиной, которая вот-вот и станет клочковатой неопрятной бородкой. Крупный орлиный нос, высокие скулы и тяжёлый квадратный подбородок. Карие глаза лихорадочно блестят, щёки впалые. Рубаха помятая и навыпуск. Брюки с какими-то жирными пятнами. Светлые волосы.

Отмыть, причесать, побрить – и вполне симпатичный мужчина выйдет. Оба родителя на редкость хороши собой, логично, что и ребёнок в таком браке получился просто очаровательным.

– Мне сказали, что ты участвовала в гонках на двуколках. Это очень опрометчиво, безответственно, Грейс. Ты расстраиваешь мать. Что скажут люди? Ты подумала об этом, а? Тебе нужно выйти замуж за серьёзного, богатого лорда, за маркиза – не меньше! Но если о тебе расползутся непотребные слухи, на тебя самый захудалый баронишка даже не посмотрит! Так как сына у меня нет, то наследницей доброго имени Лерой, являешься ты. Будь добра, не запятнай!

Отец девушки говорил, сурово хмуря брови и недовольно поджимая губы. Он наседал на меня, стараясь подавить. Мне категорически не нравилось его такое отношение к собственному ребёнку.

– Что вы забыли в моей комнате? – стараясь не прерываться на каждом слове, холодно поинтересовалась, напуская металла в голос.

– Да как ты смеешь так говорить с отцом! – и замахнулся, чтобы ударить. Я зажмурила глаза, приготовившись защитить лицо руками, сделать что-то иное в нынешнем состоянии всё равно бы не смогла. Противостоять человеку, похожему на потрёпанного полупьяного медведя, сейчас была не в силах.

Но пощёчины не последовало.

– Остановись! – ледяной голос леди Лерой раздался со стороны двери и мужчина замер с занесённой ладонью, так и не опустив её на мою многострадальную голову. – Джон, твоя дочь потеряла память. Все мы для неё чужие люди. Не смей бить ребёнка! – Женщина гордо вплыла в комнату и быстро подошла к моей кровати. – Милый, пожалуйста. Ты её пугаешь!

– Я так хотел сына, – вдруг как-то скукожился граф, – назвал бы его Грей, научил бы всему. Что мне эта девчонка, а теперь ещё и больная? Ну почему, любимая моя, ты больше не можешь иметь детей?

А я смотрела на Мэделин и видела в её прекрасных очах страх, который она испытывала, то ли к нему, то ли испугалась за меня. А ещё сожаление и не потому, что не смогла подарить этому человеку сына, а потому, что вышла за него замуж.

Глава 5

Мэделин как-то устало вздохнула и промолчала, ничего не сказав на замечание мужа. А я невольно прониклась к ней ещё большим уважением, как ловко эта дама управляется с нетрезвым мужчиной, к тому же способным на проявление агрессии. Вот бывают пьянчужки безобидные, а есть такие, так скажем, неадекватные. И мой новый папаша относился ко второму виду.

Я сидела максимально неподвижно, стараясь не отсвечивать и не нервировать незваного гостя.

– Пойдём, Джон. Грейс нужно как следует высыпаться, чтобы побыстрее поправиться, – спокойно сказала мама, настойчиво глядя на замершего мужчину.

– Ты поговорила с тёткой? – вдруг вскинул голову он, в его затуманенных алкоголем маслянистых глазах сверкнула лихорадочная надежда. – Она оставит тебе хоть что-то в наследство?

– Тётушка Мэй уехала на горячие источники поправить здоровье, и вернётся не раньше, чем через неделю. И давай не будем обсуждать эти вопросы при ребёнке. Пойдём. Тебе нужно отоспаться, а поутру Сара приготовит специально для тебя яблочный пирог.

– Яблочный? Утром? Но утром мне нужно сходить к Джеку, он обещал показать мне отменного жеребца… – Джон встал, пошатнулся, но Мэдели успела его поддержать и, подхватив супруга под руку, повела на выход.

– Ты можешь пойти сразу после завтрака, – таким же ангельски-терпеливым голоском ворковала она.

А я лежала, стараясь дышать через раз: лучше не провоцировать. Оба родителя Грейс наконец-то оставили меня одну, я ещё слышала их приглушённые голоса, но в итоге и они стихли.

– Уфф! – выдохнула и медленно опустилась на мягкую пуховую подушку. Тело от пережитого очередного потрясения гудело, мысли туманило, даже кончики пальцев и те нервно подрагивали.

Прикрыла веки. Потом снова их распахнула.

Сон испарился, как и не было. С тоской посмотрела в приоткрытое окно, небо едва-едва подёрнулось предрассветной дымкой, медленно наливаясь невероятными, просто фантастическими красками занимающегося дня. Этот неуловимый переход всегда меня завораживал и заставлял внутренне трепетать.

Мне дали второй шанс и встречать такие восходы – великий дар Всевышнего. Нужно перестать жалеть себя, бережно хранить память о людях из иного прошлого и открыться навстречу новому, и не только дню, но и людям.

Губы сами собой изогнулись в простую улыбку, тут же, словно приветствуя меня в ответ, в окно ворвался несильный ветер, отчего портьеры чуть колыхнулись. До моего лица долетели ароматы прохладного утра, свежести летней травы и звуки просыпающегося мира.

Мама у меня здесь, без всякого сомнения, отличный человек! А вот её вторая половинка подкачала. Как же такая женщина вышла замуж за подобного мужика? Хотя чего это я? Всякое в жизни случается: вот был человек до бракосочетания один, а как сошлись под одной крышей, мигом преобразился или переобулся, тут уж, как ни назови…

Интересно, о чём Джон спрашивал Мэделин? Кто такая тётушка Мэй и почему она должна вписать мать в завещание? Ничего не понятно. И вообще, с чего вдруг такие вопросы интересуют самого графа? Завтра уточню у леди.

Обхватив себя тонкими руками, потёрла плечи, чтобы хоть немного снять напряжение, сковавшее члены от встречи с графом. Может попробовать встать? Прислушалась к себе. Нет,

максимум на что меня хватит – сесть и свесить ноги с кровати, но, чтобы пройтись – точно не смогу. Поглядев на прикроватную тумбу, увидела стакан с водой и чуть дальше тонкую книгу в кожаном переплёте. Потянувшись сначала к первому предмету, взяла его в руки. После того как напилась вдоволь прохладной, чистой, очень вкусной воды, присмотрелась к стакану. Неплохого качества стекло, неидеальное и неравномерное, но если не приглядываться столь пристально, то ненамного хуже всего того, что я видела в своём мире. Убрав сосуд на место. Подтянула вторую подушку, чтобы положить под спину, и взялась за книгу.

– Хмм, и читать могу, – пробормотала под нос, удивлённо рассматривая знакомые буквы, которые сами складывались в слова. – Пьер Коль, "Компаньонка". О как! В моём мире в семнадцатом веке жил и творил Пьер Корнель и он так же написал пьесу в стихах с тем же самым названием. Ознакомимся, раз уж сон никак не идёт…

В книгах, даже таких, о многом можно было узнать. От чтения оторвалась, когда разболелась голова: повороты сюжета и построение фраз совсем для меня непривычны, даже зубодробительны, я ведь читала первоисточник, не отшлифованный перевод. Сомкнув веки, принялась размышлять.

Я люблю подобного рода литературу, когда выпадал свободный денёк, с удовольствием читала…

А ознакомившись с произведением некоего Пьера Коля, поняла, что написано немного иначе, и главные герои другие. И вывод из прочитанного однозначен и категоричен: я попала не в земное прошлое. Это некая параллельная реальность. Названия городов схожие, порой совершенно неизвестные. Столица Империи Бриттов город Бирмингем, вовсе не Лондон, который здесь тоже был. У бриттов в достатке колоний, тут называемых доминионами. Богатая страна, любящая воевать. Интересно, сейчас затишье или есть какие-то противостояния? Очень бы не хотелось жить в такие времена…

В этот же день я отказалась от судна, сделанного из дерева, в который "ходила"с помощью Сары. Как бы мне ни претило всё это действо, нужду справлять приходилось именно так. Но не сегодня.

– Сара, убери эту штуковину с глаз моих, – как только девушка достала из-под кровати сей примечательный предмет, всё во мне взбунтовалось. – Помоги встать и проведи в уборную.

– Н-но, госпожа, доктор Смит наказал вам не двигаться ещё несколько дней. До его приезда.

Я упрямо покачала головой, решительно откидывая одеяло.

– Заодно кровать перестелешь, – вздохнула, осматривая смятые, не очень приятно пахнущие простыни.

– Может, я позову госпожу Мэделин? – в отчаянии всплеснула руками девушка.

– Сара… – голос мой был твёрд и сух.

Горничная не была глупой, понятливо кивнула и, отложив утку, подошла ко мне:

– Держитесь за меня. Не сомневайтесь, удержу. Вас даже ветер снесёт, коли подует, – мягко улыбнулась она, помогая мне встать.

С превеликим трудом, тяжело дыша, как загнанная лошадь, я всё-таки с помощью Сары доковыляла до неприметной двери, куда меня завела служанка. Что же, уборная не впечатляла. Ни унитаза мне привычного, ни расписной плитки, ни вместительной керамической ванны, ни даже захудалого душа, ни раковины с удобной подачей холодной и горячей воды. Вообще, ничего такого. Всё до примитивного просто, но, и это главное, чисто. Благодаря двум небольшим распахнутым настежь оконцам, которые неплохо проветривали помещение, здесь не особо воняло, стоял, конечно, запашок, куда уж без него.

Вместо раковины, таз и кувшин подле, ванну заменял пузатый бочонок, и в довершение в углу стоял необычной формы и размеров горшок. Сара помогла мне усесться на него, деликатно отвернулась.

Помыв руки, лицо и шею, облегчённо выдохнула.

– Хочу принять ванну… хмм… Помыться хочу в бочке, – ткнула пальцем в предмет.

– Я не уверена, что в вашем состоянии это будет полезно.

– Ещё как полезно! – нетерпящим возражений тоном, спокойно сказала я. – Если тебе так нужно позволение мое матери, испросим, чего уж, – пожала плечами и, повесив полотенце на штырь, вбитый в стену, снова опёрлась о сердобольную девушку и поковыляла назад в комнату.

Что же, я человек много повидавший и в деревне поживший несколько лет, всё вспомню и заново привыкну. И к горшку и даже к новому миру.

– А скажи-ка, Сара, будь добра: кто хозяйка этого дома? —спросила я, сидя на стуле у стола и внимательно наблюдая за сноровистыми действиями горничной, умело перестилавшей кровать.

– Леди Мэй Нокстэд. Это её особняк, она родная тётушка леди Мэделин.

– Вот как, – покивала я, на самом деле ничего не понимая. А где же тогда дом семьи Лерой, к которой я теперь отношусь?

Глава 6

Принять "ванну"здесь, оказалось далеко не тем же самым, что там, в моём мире. Воду несли из, наверное, кухни. Крупный мужчина по имени Грег посетил мою комнату несколько раз, пока натаскал нужное количество. Мама была тут же и коршуном следила за всем процессом. Я тихо сидела на кровати, обряженная в какой-то халат из плотной тёмной ткани с глухим воротом, и ждала… Кто бы знал, с каким нетерпением я ждала, когда смогу наконец-то нормально помыться! От подобных мыслей тело жуть, как зудело, а пальцы сами отбивали предвкушающую дробь по книжке, что я держала в руках.

– Пойдём, милая, – позвала Мэделин, когда всё было готово. Сара помогла мне доковылять до умывальни. Бочонок передвинули в центр и приставили к нему толстую неказистую табуретку. Прежде чем наполнить его (бочонок) водой, внутрь уложили серую широкую простыню, покрывшую не только дно, но и стенки; так делали, чтобы не занозить тело купальщицы. Всё это выглядело странно и даже забавно.

С помощью горничной сняла халат и сорочку, пропахшую п*о*том и, хмм, в общем, уже не очень приятно пованивающую, затем настал черёд бинтов, а после, при помощи обеих женщина, начала своеобразное "восхождение на Эверест", поскольку в моём теперешнем состоянии-нестояния так оно и было. Стульчик не особо помог, при моём нынешнем росте в метр шестьдесят, всё равно пришлось задирать ноги, дабы залезть в "ванну". Мышцы ныли, а рёбра неприятно простреливали острой болью, но я сцепила зубы, стараясь не показать, что, кажется, стоило просто обтереться влажным полотенцем, и Сара с мамой были правы…

Ну, уж нет! Я это сделаю! На голой воле я всё же окунулась в парящую воду, чувствуя, как напряжённое тело постепенно расслабляется в тёплой даже немного горячей воде. О боже, как же хорошо!

Мэделин, закатав рукава какого-то простого платья, принялась помогать Саре: и в четыре руки они очень быстро помыли мои длинные шикарные волосы, всё, что ниже груди, пришлось тереть самой, вместо мочалки тут использовалась жёсткая холщовая тряпка, сложённая в несколько раз и туго перемотанная простой бечевой.

Долго отмокать мне не позволили и велели вылезать.

– Сара, сходи проверь, как там обед, – распорядилась мама, помогая мне лечь в кровать и накрывая пледом. – Захвати чистые повязки.

– Да, госпожа, – девушка присела в коротком книксене и шустро выбежала из комнаты.

Тем временем леди Лерой устроилась на стуле рядом и заинтересованно посмотрела на томик Пьера Коля.

– "Компаньонка"? Интересное произведение, – вздохнула она, после чего подняла руки, чтобы прибрать выбившиеся пряди из причёски. – Прочитала?

– Да, – кивнула я, – понравилось.

– Я не желаю тебе такой судьбы, – вдруг добавила мама, сложив ладони на коленях. – Не знаю, как мы будем жить дальше… Твой отец, настаивает на том, чтобы выдать тебя замуж за богатого купца, поскольку титул нужен многим из них. Это, считай, билет в общество аристократов, где можно завести новые, выгодные связи. И такого претендента на твою руку Джон не так давно нашёл, на своём любимом ипподроме… Но я буду сопротивляться так долго, как смогу. Даже если придётся лгать, лишь бы ты не попала в эти сети. Отдать тебя толстяку Горошу… ну уж нет! Только через мой труп! Хочу, чтобы спутника жизни ты выбрала сама. У меня так не вышло, а у тебя получится.

От её слов я натуральным образом вздрогнула: замуж за незнакомого мужика? Да будь он богат, как сам Крёз, меня такой вариант совсем не устраивает!

– Мама, – внимательно посмотрев на женщину, решилась, – расскажи мне о нашей семье. Я никого не помню, тот визит отца под утро… как-то неожиданно. И почему в такую рань?

– Убедиться, что ты жива, – ровно ответила мама.

– Или померла, ему на радость, – скривила губы я. – Хотя раз для меня нашлась выгодная партия, может, чтобы убедиться, что товар не совсем испорчен.

– Не говори так, Джон в целом неплохой человек, – повела плечами, словно продрогла, леди Мэделин.

Ага-ага, вот так я прямо и поверила. Но комментировать её слова не стала.

– Хорошо, я расскажу. Есть шанс, что, узнав больше о своём прошлом, к тебе вернётся память, – задумчиво проговорила собеседница. – Я, как ты уже знаешь, твоя мама, графиня Мэделин Лерой, в девичестве Батлер, дочь барона Уильяма Батлера. Наш род очень древний, как-нибудь расскажу, каким образом наш предок получил титул, но сейчас это не так важно. Да и настроение не то. Замуж вышла за сына графа Лерой, по сговору между семьями. Своего будущего мужа я увидела в день помолвки. Джон только прибыл из дальнего плавания и впечатлил меня своей красотой, статью. И неожиданно для себя я влюбилась, – лёгкая улыбка коснулась прекрасных губ женщины, – и первое время всё было просто замечательно. Моя новая семья была достаточно обеспечена, твой дед занимался морскими перевозками. Однажды он вложился в весьма крупное дело. И в путешествие отправился лично, впрочем, так граф поступал довольно часто. Вот только в тот раз ему не суждено было вернуться: экипаж вместе с кораблями и товаром исчез где-то посреди океана, никого и ничего так и не нашли. Бразды правления перешли к единственному сыну и наследнику – твоему отцу.

Мэделин встала, подошла к столу и налила в стакан воды. Сделав несколько глотков, продолжила:

– Джон пытался поправить наше финансовое положение, сначала продав загородный дом, но ему не верили и заключать договоры не спешили. В это же время стали набирать обороты и популярность гонки на специально обученных скаковых лошадях. И с подачи Его Величества было построено место, получившее название ипподром Лоншани. Джон тут же решил, что это его шанс быстро и легко разбогатеть.

С каждым словом леди становилось всё тяжелее говорить, я это видела по её лицу и продолжительным паузам между предложениями. И понять женщину было вовсе не сложно – переживать всё заново, когда воспоминания не самые приятные, никому не нравится.

– Я люблю лошадей, но теперь ненавижу скачки. Со временем мы остались без ничего, никакие мои увещевания, слёзные мольбы, разумные доводы – ничто из этого не смогло вразумить твоего отца. Его взор горел лихорадочным огнём игрока, он как рыба, не мог соскочить с крючка, который так глубоко заглотил. Джон всё понимал, хочется верить, что понимал… Но оказался не способен противостоять соблазну. Просто не смог вовремя остановиться.

– И не остановится, никто его не переубедит. Тут поможет только желание самого человека и железная воля, – тихо сказала я. На своём веку встречала таких людей и точно знала, что происходит с ними, когда их затягивают азартные игры. Они просаживают всё, считай, остаются без трусов.

Мама словно меня не услышала, договорила:

– Тётушка Мэй – замечательный человек. Пока мы живём у неё.

– А как семья тётушки относится к тому, что мы все тут поселились? – уточнила я, – или она одинокая?

– Почему же одинокая? У неё есть сын и дочь. Они сейчас в свите короля, в загородной резиденции Его Величества. Охота, шикарные балы. Получить такое приглашение дорогого стоит. И нас позвали, только средств одеться по последней моде, чтобы не ударить в грязь лицом, у нас нет. Джон рвался, но твой дядя Роберт, сказал ему категоричное "нет".

На имени "Роберт"мама поморщилась, м-да уж… Не всё ладно между двоюродными братом и сестрой, это точно.

– Кроме тётушки Мэй, у нас есть ещё один родственник, дядя Эдвард. Но живёт он далеко и ни с кем из нас не общается. Очень замкнутый человек, ты видела его всего раз, когда тебе исполнилось пять лет, на похоронах дедушки Уильяма.

– Яно… Мама, у тебя есть родные братья и сёстры?

Леди отрицательно покачала головой.

– И всё, что оставил мне отец, тоже продано, – печально добавила она.

– И если тётушка Мэй вдруг решит, что мы для неё обуза, то нам, получается, некуда идти?

– Получается, что да.

Мы смотрели друг на друга, и мне с каждым мгновением становилось всё тоскливее. Я открыла было рот, чтобы кое-что уточнить, как в дверь стремительно постучали, и, не дожидаясь ответа, внутрь вбежала Сара.

– Там пришёл какой-то мужчина и попросил срочно вас позвать, леди Лерой, – взбудоражено выпалила горничная, широко распахнутыми глазами глядя на Мэделин. – Я его проводила в зелёную гостиную.

– Пойдём со мной, – кивнула мама, – поможешь мне переодеться.

Я смотрела вслед уходящим женщинам и гадала, кого же там принесло? Может, будут и хорошие новости?

Глава 7

Интерлюдия

Мэделин чувствовала, что неожиданный гость пришёл по её душу и вести будут тесно связаны с Джоном. Женщина старалась отогнать от себя подобные мысли, но они, как назойливые осы, пытались ужалить посильнее и заставить нервничать сверх меры.

Переодевшись в светло-голубое платье, леди Лерой подошла к распахнутому настежь окну своей комнаты, чтобы немного успокоиться.

– Сара, благодарю, – не оборачиваясь, сказала она, – можешь идти. Угости посетителя чаем, скажи ему, что я спущусь через несколько минут.

– Да, госпожа, – горничная сделала быстрый книксен, сочувствующе посмотрела на неестественно прямую спину хозяйки и вышла вон, тихо притворив за собой дверь. Девушка очень любила хозяйку и знала, в какой ситуации оказалась вся их семья. Помочь она ничем им не могла, лишь услужить, сделать их жизнь чуть проще.

Оставшись одна, графиня тут же обхватила себя за плечи и крепко их сжала. Зелень густо растущих деревьев в шикарном парке напротив, навеяли грустные воспоминания, а ведь когда и у неё был свой дом с не менее красивым садом.

– Нужно успокоиться, я Батлер. А Батлеры никогда не сдаются, – тихо, но твёрдо вымолвила она, прислушиваясь к собственному голосу. – Всё будет хорошо. Грейс идёт на поправку, а Джон… Что же, у любой проблемы есть решение…

Мэделин не так давно задумалась, что развод стал бы избавлением, только получить его можно, обратившись в парламент. Одна лишь мысль, как она стоит под обстрелом множества насмешливых взоров сиятельных лордов, как становилось тошно. Даже если её просьбу удовлетворят, то будущее дочери будет навсегда запятнано и Грейс не сможет устроить свою жизнь, перед девочкой закроются все двери. Обе женщины мигом превратятся в изгнанниц.

Стать вдовой гораздо лучше, нежели оказаться разведённой. От сей мысли графиню пробила дрожь, сердце затопила вина – нельзя допускать подобных размышлений. Джон – живой человек, он не заслуживает смерти, каким бы ни был.

Внутренне собравшись, леди резко развернулась и направилась на встречу с незнакомцем.

Спустившись по парадной широкой лестнице на первый этаж, не обращая внимания на богатство обстановки, на немногочисленных слуг, тихо что-то делающих по дому, пересекла холл. Остановившись у дорогой резной двери, взялась за тяжёлую медную ручку. Вдох-выдох. На лице расцвела доброжелательная, но отстранённая полуулыбка, и, толкнув дверь, женщина шагнула внутрь.

Сидевший на резном диване мужчина, тут же поднялся ей навстречу. Мэделин раньше никогда не встречала этого человека. Высокий и худой, в тёмном сюртуке и узких бриджах, заправленные в кожаные, начищенные до зеркального блеска, высокие сапоги. Всё хорошего качества и пошито на заказ. Зализанные тёмные волосы и тонкие тараканьи усики придавали образу некое аристократическое благородство, точнее, гость хотел, чтобы так оно выглядело со стороны. Чёрные глаза мужчинысмотрели на неё оценивающе, будто графиня – товар на прилавке. Противные морозные мурашки волной прокатились по позвоночнику. Стало ещё тревожнее.

– Добрый день! – наигранно опомнился он, короткий поклон, – леди Лерой?

– Добрый день, да, это я. С кем имею честь? – вскинув правую идеально очерченную бровь, Мэделин и не подумала подходить ближе.

– О, простите! Николя Шандон, поверенный барона Мэйсона Ригнэ. Мне бы хотелось поговорить с графом, но, как сказала служанка, его здесь нет, и я имею честь беседовать с вами.

Поскольку бегать и искать человека в Бирмингеме в любое время суток – задача непростая. Конечно, если вы скажете, где именно находится ваш супруг сейчас… – графиня отрицательно покачала головой, она знала, но говорить не желала. – Тогда проще всё обсудить с вами. А вы уже передадите графу.

– Да, конечно. Прошу вас, – Мэделин кивнула на софу, и когда мужчина занял прежнее место, присела напротив него. – Я вас слушаю.

– Дело в том, что граф Джон взял у моего господина в долг весьма крупную сумму, в расписке указал, что если не сможет расплатиться в срок, то отдаст Его Светлости сей особняк. Я пришёл сюда, чтобы оформить положенные документы.

Всё внутри Мэделин оборвалось. Вот она ещё таила надежду, что человек принёс добрые вести, как все её чаяния вмиг были безжалостно растоптаны. Всё, что говорил дальше этот человек, она уже не слышала – в ушах зашумело, перед глазами заплясали противные мушки и отчаянно захотелось хлопнуться в обморок, очнуться и узнать, что всё это просто дурной сон!

– Леди! Леди Лерой! С вами всё в порядке? – встревоженно спросил мистер Шандон, заметив, что женщине стало худо. И немудрено – такие неприятные вести. А особняк-то просто великолепен! Всего в двух кварталах от королевской резиденции, а это очень хорошее местоположение. Поверенный успел оценить богатое убранство и дороговизну висящих на стенах картин и даже гобеленов давно ушедших именитых мастеров. Барон будет доволен новым приобретением.

– Всё в порядке, – выдохнула прекрасная аристократка, её голубые глаза внимательно посмотрели на Николя, отчего он вдруг смутился. Такая шикарная женщина и досталась эдакому дураку! Но свои мысли он, конечно, оставил при себе.

– Вот, выпейте воды, – поверенный наполнил стакан и подал графине.

Мэделин сделала несколько маленьких глотков, постепенно приходя в себя и возвращая почти утерянное самообладание.

– Благодарю, – выдохнула она, помолчала секунду, собираясь с мыслями, и продолжила: Дело в том, – пауза, – что этот дом нам не принадлежит.

Николас замер в ошеломлении.

– Но как?

– А вот так, – уже полностью успокоившись, по крайней мере, внешне, увереннее заговорила собеседница, – особняк принадлежит моей родственнице, графине Мэй Нокстэд. Я даже не являюсь наследницей всего этого великолепия, уж простите. Когда брали расписку с моего супруга, следовало запросить и подтверждающие документы.

– В нашем деле принято доверять высокородным клиентам и не обижать их подобными просьбами, – покачал головой мистер Шандон.

– Впредь поступайте иначе, – вздохнула леди, поднимаясь и давая понять, что более им говорить не о чем.

– Мы не так давно прибыли в Бирмингем и мало кого тут знаем, – вдруг решил оправдаться он. – Но стараемся придерживаться заведённых ранее правил, и они ещё ни разу нас не подводили.

– Я всего лишь высказала свои мысли, – равнодушно пожала плечами прекрасная леди.

– Погодите, леди Лерой. Но ежели граф Джон не вернёт долг, то его упекут в долговую тюрьму. На несколько лет. Возможно, у вас есть драгоценности, породистые кони, земля?

– У нас ничего нет, – гордо приподняв подбородок, по-королевски ответила женщина, – а Джон пусть понесёт наказание. Заслужил. Вас проводят. Всего вам хорошего, мистер Шандон.

Поверенный растерянно глядел в идеально ровную спину уходящей графини и не мог взять в толк: как это? Неужели вот так просто уйдёт и даже не станет искать способы спасти супруга? Не расплачется, со слезами умоляя пощадить? Неожиданно!

Мэделин вернулась к себе и обессиленно рухнула в кресло. Прижав прохладные трясущиеся ладони к горящим от стыда щекам, прикрыла веки. Она уже знала, что последует за арестом Джона и ей нужно было приготовиться. Роберт не станет терпеть под боком такую семейку и выставит и её, и Грейс за порог. Тётушка Мэй не сможет воспрепятствовать сыну, не в этот раз.

Глава 8

Мне было любопытно, кто это там пришёл и что сказал. Но никто не спешил поделиться со мной вестями. Оттого я маялась, не зная, куда себя деть. Книгу дочитала, даже чуток вздремнула. Лишь ближе к полднику прибежала Сара с выпученными глазами и повязками в руках.

– Простите, мисс Грейс, – выпалила она, останавливаясь подле моей кровати, – приехала леди Мэй, пришлось помогать разгружать сундуки, – виновато добавила она. – Ваша матушка сейчас с тёткой, заперлись в комнате и о чём-то беседуют. Возможно, – девушка значительно понизила тональность, – обсуждают сегодняшнего визитёра…

– А ты, случаем, не в курсе, кто это был и чего хотел? – непринуждённо уточнила я, откидывая одеяло и не спеша принимая сидячее положение. Сара помогла стянуть сорочку и принялась перевязывать мои болящие рёбра.

– Нет, – пожала плечами она, стягивая лентами моё туловище, – так не слишком туго?

– Можно чуть сильнее, – попросила я.

– Но после разговора с ним леди Мэделин была сама не своя, хоть и пытается улыбаться, но в глазах такая тоска, моё сердце кровью обливается.

– Скорее всего, папенька что-то учудил, – вслух выразила я свои подозрения.

Девушка деликатно промолчала и быстро закончила с перевязкой.

– Давайте обработаю рану на голове и дам вам настойку. Потом сбегаю на кухню, принесу перекусить, проголодались поди.

После полдника, с удовольствием допив медовый взвар, сказала Саре:

– Я посплю, что-то отчаянно клонит в сон.

– Да, мисс Грейс, вам нужно побольше отдыхать. Так быстрее раны заживут, – кивнула девушка, собирая посуду со стола.

До самого вечера я спала. В это время ко мне так никто и не пришёл.

Проснулась перед самым ужином, будто будильник прозвенел – проревел раненым зверем желудок, требуя пищи. Хороший знак! Значит, организм точно взял курс на выздоровление. Сара пришла, как всегда, вовремя, принеся увесистый поднос со множеством разной посуды. Горячий куриный суп, овощное рагу с разваренным мясом, пышная булочка с кусочком сливочного масла и горячий взвар. Я почти всё съела, стараясь не торопиться и нормально пережёвывать.

А после наступило время безделья, и я предалась размышлениям. Например, о том, почему я так легко стала называть графиню, эту, по сути чужую женщину, "мамой".

И, покопавшись в себе, нашла ответ, лежавший буквально на поверхности: просто попыталась поставить себя на её место. Если бы у меня был ребёнок, который чуть не погиб и совершенно чудесным образом пошёл на поправку вопреки прогнозу врача, а итогом болезни стала всего лишь амнезия, разве я не была бы счастлива? Без преувеличения скажу – прыгала бы от радости! Уделила бы максимальное внимание и участие, во всём помогала, лишь бы ребёнок быстрее встал на ноги.

По факту Мэделин потеряла дочку, но в её теле поселилась я, и сказать этой женщине, что от её Грейс осталась лишь оболочка, никогда не смогу. Иначе получится, что не только муж её предал, но и родная кровиночка. Посему я была решительно намерена не обижать графиню. Моя мама из той, другой жизни, почила, когда мне было меньше двух, но теперь у меня появилась Мэделин, достойный человек, и отныне мать. Я позабочусь о леди Лерой, чтобы ей больше не пришлось плакать.

Негромкий стук в дверь раздался после ужина.

– Войдите! – ответила я и створка тихо распахнулась.

В комнату шагнула… старушка. Но такая очаровательная, что я невольно улыбнулась.

Не просто бабушка, а божий одуванчик, тонкая в кости, с аристократически правильными чертами лица и такими же, как у нас с Мэделин голубыми глазами. Белоснежно-серебристые волосы уложены в высокую, элегантную причёску. На леди Мэй, а это, без сомнения, была именно она, красовалось светло-зелёное, как молодая листва в саду, платье. Три нитки жемчуга на шее и тяжёлые жемчужные серьги дополняли воздушный образ. Морщинки одна к одной, вот иначе не могу описать, подсказывали, насколько эта дама была прекрасной в юности.

Едва касаясь пола тонкой золотистой тросточкой, женщина вплыла в помещение и, увидев меня, сидевшую на диване с томиком на коленях, благожелательно улыбнулась:

– Милая моя Грейси! Мне сказали, что ты отдыхаешь, поэтому не пришла пораньше, – голос звонкий, совсем не старческий.

Я встала и сделала неуклюжий книксен, рёбра не позволяли сесть ниже.

– Вечер добрый!

– Ты чего вскочила! – покачала головой женщина, подошла ко мне и, взяв за руки, потянула вниз. Мы обе устроились на софе и молча посмотрели друг на друга. – Знаю, что ты ничего и никого не помнишь, – искренне, очень грустно вздохнула старушка. – Мэдди сильно переживает за твоё состояние. Как ты себя чувствуешь?

– Уже намного лучше, тётушка Мэй. Но по-прежнему никого не узнаю. Болит голова и ноют кости, – просто добавила, стараясь быть максимально откровенной. Это всегда подкупало людей.

– Ты как-то изменилась… Раньше непоседой была, настоящей егозой, места себе не находила, всё рвалась кому-то что-то доказать, – и многозначительно приподняла брови.

– Не помню, какой была. А желание прыгать и бегать пропало, кажется, надолго, – коряво пошутила я, вызвав тихий смех у собеседницы.

– Ну, может, это знак свыше, что хватит? Беречь себя надо, ты у мамы одна. Твой отец… в общем, вам нужно будет научиться жить вдвоём.

– А что случилось? И где мама? Тётушка Мэй, не томите, прошу вас, расскажите всё как есть! – я правда встревожилась, внутренне приготовившись услышать не очень приятные новости.

Женщина погладила большим пальцем правой руки набалдашник трости, который представлял собой голову медведя с изумрудными вставками вместо глаз. Занятная вещица.

– Мэдди скоро должна вернуться, она на встрече с городским судьёй, подписывает кое-какие документы. А Джон, – тётушка поджала бледные губы, превращая их в тонкую линию, – твой отец пробудет в тюрьме несколько лет, и не просто за решёткой, а отработает на императорских каменоломнях положенный срок.

Я не знала, как реагировать: вот вроде стоит изобразить шок, пустить слезу – этот человек ведь теперь мой отец. Но наружу рвался дикий радостный клич – свобода! Выживет ли там папаша – бог весть, а лучше бы и нет, мелькнула крамольная мысль. Затолкав её куда поглубже, постаралась, чтобы на лице проступила некая задумчивость.

– Вижу, не сильно опечалилась, – проницательно заметила старая графиня.

– Джон для мамы не сделал ничего хорошего, всё было с точностью да наоборот, – вскинув подбородок, ровно заявила я.

– Просто по имени кличешь? – сделала свои выводы тётушка. – Что же, не согласиться с тобой не могу. Туда ему, подлецу, и дорога. Вот только ваше славное имя графов Лерой отныне так запятнано, что отмыть его выйдет, если спасёте жизнь Его Величеству или кому-то из императорской семьи. Но на это рассчитывать глупо, у нас перемирие со всеми странами вокруг. И вы с Мэдди вовсе не воины и даже не шпионки, а слабые, беззащитные женщины. Отстаивать интересы Империи от вас двоих никто не потребует, да и не отправит. А ещё… нужно просто время. Люди имеют свойство забывать многое, и о проступке твоего отца тоже запамятуют.

Это всё было понятно. И оттого вдвойне грустно: Мэделин придётся покинуть привычную среду обитания и уехать подальше от родных мест.

– Грейси, не волнуйся так.

– Не за себя страшно, за маму, – честно сказала я. Я-то точно не пропаду, а вот справится ли графиня – неизвестно. Но она создавала впечатление сильной, мудрой личности, значит, должна выдержать любые испытания.

– О, твоя мама… Моя Мэдди всё преодолеет, не смотри, что внешне мы выглядим хрупкими. Внутри у нас, истинных Батлеров, железный стержень и так просто его не согнуть… – тётушка Мэй вдруг наклонилась ко мне, накрыв своей тёплой ладонью мою, и добавила: – Я подумаю, как можно поступить, чтобы у вас была и крыша над головой, и еда на столе. Не печалься, всё решаемо.

Душевная женщина, просто замечательная. Теперь понятно, почему она нас приютила – очень любила племянницу, единственную дочь старшего брата, Вильяма.

Её слова немного успокоили, нас не выбросят за порог, как слепых котят. Тётушка Мэй явно что-то задумала, но делиться со мной планами отчего-то пока не стала.

Следующим утром дом сотрясли крики. Рано-рано, солнце только показалось за горизонтом. Кажется, ни дня в этом мире не прошло, чтобы моё утро началось как-то иначе. С восходом постоянно что-то происходило. В этот раз я не выдержала неведения. Встала сама, благо тело было молодо и раны заживали гораздо быстрее, нежели в пятьдесят с хвостиком. Открыв шкаф, уставилась на висевшие наряды. Выбрала первое более-менее простое, без множества завязочек на спине.

Зеркала в пол тут не было, поэтому посмотреть, как я выгляжу, не вышло. Платье цвета спелого персика на мне слегка болталось, Грейс явно скинула пару килограммов. И немудрено, столько дней на воде и жидком бульоне. Руками попыталась разгладить самые крупные заломы на юбке, но мои усилия оказались тщетны.

Ну и ладно, так пойдёт.

Я тихо отворила дверь и высунула любопытный нос наружу: никого. Оно и понятно, в такой-то час! Мышкой скользнула в коридор и не спеша, придерживаясь рукой об стену, зашагала вперёд, ориентируясь на звуки громкого мужского голоса. Плутать долго не пришлось: в конце пути обнаружилась лестница, ведущая на первый этаж. Тут и замерла за поворотом. Выглянула и увидела в холле несколько человек. Мэделин и тётушка Мэй тоже были здесь.

– Чтобы ноги вашей не было в моём доме! Не потерплю семейку с таким непомерно большим пятном на репутации! Слухи уже докатились аж до императорской загородной резиденции, почему думаете, я вернулся так рано? Мэделин, твой муж мудень! Был бы тут, лично свернул ему шею! – я всмотрелась в орущего человека. Высокий, точно выше среднего роста, волосы растрёпаны, явно спешил добраться до дома как можно быстрее. Брюнет, в отличие от матери, с внушительными бакенбардами на моложавом строгом лице. Тёмные глаза сверкают праведным гневом, щёки горят от переполняющих его эмоций.

– Мама, – Роберт, а это был он, повернулся к старушке, и заговорил гораздо спокойнее, – что бы ты сейчас не сказала в защиту – всё будет мимо! Сама понимаешь. Мы близки к императору, и теперь можем растерять всё расположение Его Величества. Удалим неугодную часть нашей семьи подальше и со временем об этом скандале забудут, при условии, Мэделин, что вы сюда больше не вернётесь.

– Откуда в тебе столько злости? – негромко, но чётко спросила мама. Спина графини была прямой, с гордо расправленными плечами.

От прозвучавшего вопроса мужчина опешил.

– Сказать честно? – прищурился он. – Моя родная мать уделяла тебе больше внимания, чем мне, собственному сыну!

– Ах! – тётушка Мэй схватилась за горло. – Сынок, да когда ж такое было? У Мэдди рано ушли из жизни и отец, и мать, ей просто необходима была моя поддержка.

– Я всё сказал. Пришло время платить по счетам, Мэдди, – передразнил он тон родительницы, когда она сокращала имя Мэделин.

У-у, как всё запущено в этих семействах! Какие-то надуманные обиды правят балом. Что Джон Лерой, что Роберт Нокстед, оба одного поля ягоды. Уж поведение и того и другого невероятно схожи.

– Всё, – выдохнул мужчина, – я полночи мчался сюда, чтобы поскорее решить вопрос с вами. Сегодня, так уж и быть, соберёте свои вещи, а завтра с утра покинете этот дом. – Договорив, резко развернулся и, чеканя шаг, направился к лестнице. Я хотела было метнуться назад, но подумала, что далеко всё равно не убегу и просто осталась стоять на месте. Конечно же, мужчина меня увидел, стоило ему подняться на второй этаж.

Холодно посмотрев мне в глаза, поджал и без того тонкие губы, замер на секунду, явно размышляя: сказать что-нибудь, али нет? Но в итоге промолчал и прошёл мимо. Я же, облегчённо выдохнув, принялась спускаться по лестнице к тихо беседующим женщинам.

– Доброе утро, мама, бабушка Мэй, – поздоровалась я с ними. – Как вы?

– Так, девочки, – взяла ситуацию в свои руки старушка, – следуйте за мной, есть предложение.

Тётушка Мэй

Глава 9

Сделав пару шагов, леди Мэй остановилась и, звонко стукнув тростью о мраморный белоснежный пол, недовольно фыркнула:

– А вы все, чего тут столпились?

Свидетели безобразной сцены под названием "истерика лорда Нокстэда", одновременно вздрогнули, стыдливо опустили глаза и, помешкав пару секунд, ретировались, разбежавшись, как крысы, в разные стороны. Всех этих людей я видела впервые, но по одинаковому цвету одежды и крою можно было с уверенностью сказать, что это слуги Роберта.

– Ты почему встала? – негромко возмущённо спросила мама, – тебе лежать надо, отдыхать, выздоравливать! – женщина нахмурила тонкие брови. В уголках рта Мэделин проявились усталые морщинки, было заметно, что она очень сильно вымотана, и, скорее всего, не спала полночи, переживая за наше с ней будущее.

– Всё в порядке, – я постаралась как можно более непринуждённое растянуть губы в улыбке, хотя на самом деле коленки дрожали, рёбра ныли, и саднила рана на затылке. Но намеревалась выслушать всё, что скажет бабушка. Поэтому терпела, взяв всю свою волю в кулак.

– Грейси, твоя мама права, тебе нужно беречь себя, – покивала тётушка, но, встретившись со мной глазами, вздохнула и добавила, – Мэдди, позволь дочери присутствовать, уж больно решительно наша девочка настроена.

В проницательности старой леди не откажешь.

Мама решила не спорить и, подхватив меня под руку, так, чтобы стать мне опорой, шагнула за леди Нокстэд. Мы прошли в коридор, что располагался справа от холла и через некоторое время подошли к массивной дубовой двери с живописными горизонтальными панно-десюдепортами и тяжёлой бронзовой ручкой изогнутой формы. Леди Мэй достала не менее внушительный ключ и просунула его в скважину.

Я же, пока шли, внимательно рассматривала интерьер особняка, начиная от холла, заканчивая вот этим интересным коридором с алой ковровой дорожкой под ногами, нишами в стене, где стояли высокие расписные вазы, и висели картины с пасторальными пейзажами. В одном, самом крупном алькове, стояла узкая софа, обитая тёмно-синим бархатом, так и манящая присесть и передохнуть.

Пол вестибюля и всего первого этажа, впрочем, как и второго вместе с парадной лестницей, был облицован мраморной плиткой белого цвета с серо-чёрными прожилками и начищен до глянцевого блеска. Стены обтянуты светло-голубым шёлком, загадочно мерцающим в свете восходящего солнца. Лучи проникали сквозь высокие стрельчатые окна, пронзая самое настоящее стекло, вставленное в оконные проёмы. В моей комнате стекла не было, только резные ставни, но, подозреваю, что в эту эпоху сей материал был чрезвычайно дорог даже для знатного графа и застеклить весь этот огромный особняк вышло бы в кругленькую сумму.

Ярким пятном сиял расписной плафон потолка. Две белоснежные колонны с лепнинами понизу и поверху в виде листьев и вензелей по бокам от лестницы и две такие же у двустворчатой входной двери. Пафосно, дорого-богато.

– Грейс, чего застыла? – тем временем бабушка вошла в роскошно обставленный кабинет. Её слова заставили меня вернуться в реальность. Я вздохнула, прогоняя не к месту налетевшие мысли, и вошла внутрь помещения. Мэделин тут же плотно прикрыла дверь и сопроводила меня к резному дивану. Комната была обставлена тяжёлой дубовой мебелью. Всё убранство буквально кричало о достатке хозяина: от стульев с тонкими резными ножками до внушительного стола в центре. Тяжёлые тёмно-шоколадного цвета портьеры добавляли ещё большей солидности и в данный момент были распахнуты, чтобы пропустить внутрь как можно больше дневного света и летнего тепла.

– Садитесь. Обе, – вздохнула старая леди, застывшая у распахнутого окна. – Твой отец, Мэдди, всегда относился ко мне по-отечески. Защищал, оберегал. И когда его не стало, так же, как и твоей матери, моё сердце наполовину опустело. Я не могла оставить тебя без пригляда. Вильям так и не узнал, насколько мне не повезло с мужем. Да, Эмиль был богат, знатен, близок к Его Величеству, но оказался, при ближайшем рассмотрении, человеком с гнильцой. Я никому никогда об этом не говорила. Мои личные переживания не должны были омрачать радость жизни близких. Увы, Роберт большую часть времени, как только стал говорить и самостоятельно ходить, проводил с Эмилем. И из него выросло то, что выросло. Вы и сами всё видите и понимаете, – плечи тётушки Мэй были напряжены до предела, спина прямая, голова гордо вскинута; я смотрела на эту маленькую и такую хрупкую физически женщину и восхищалась её внутренней силой, благородством.

– Дамы нашего общества почти бесправны, только под защитой мужчины – отца ли, супруга или брата, могут чувствовать себя в безопасности. К счастью, с каждым годом отношение к слабому полу чуточку меняется. Сейчас всё не так, как было в мою молодость. Лучше.

– Но не легче, – криво улыбнулась мама, сцепив пальцы рук на коленях в крепкий замок.

– Легче, милая. Всё познаётся в сравнении, поверь мне. Итак, на новом месте нравы другие…

– Каком новом? – невольно вырвалось у меня. Любопытно стало – жуть как!

– Сейчас всё расскажу, – едва заметно улыбнулась бабушка и продолжила: – Путешествие, которое вам предстоит, – отвернувшись от окна, она спокойно посмотрела на меня и маму своими невероятно голубыми глазами, – очень долгое, но безопасное. Семья Ридверсов, владеющая компанией "Пассажирские и почтовые перевозки Ридверсов"при поддержке императора, весьма печётся о своей репутации и охраняет дилижансы, наверное, пуще своего золота в банке. Но сейчас отправляться в путь никак нельзя, из-за твоих ран, Грейс. Нужно поправить здоровье и только тогда покупать билет в Ирлэнд, доминион империи Бриттов.

Моя челюсть едва удержалась на месте.

– Мы отправимся на остров?

Обе женщины воззрились на меня в немом недоумении.

– Ирлэнд не остров, милая, – сочувствующее покачала головой леди Мэй, явно подозревая мою амнезию в подобном высказывании. – Полуостров. Там живёт мой брат, Эдвард Батлер, твой двоюродный дедушка. После смерти жены, леди Минервы, он замкнулся в себе и ни с кем не желает общаться, занимаясь лишь своими любимыми породистыми скакунами. Пишет мне раз в два месяца, что жив-здоров, но и только. Вы поедете к нему. Он приютит единственную дочь Вильяма, никуда не денется. Я составлю письмо для него, пусть прочтёт.

– Дядя Эдвард? Но я его видела всего пару раз в жизни, – ахнула мама, – правда, он очень хорошо отнёсся к Грейс, – она посмотрела на меня и ласково улыбнулась, – но и только. Для меня это совершенно чужой человек! Как я смогу ему доверять?

– Эдди просто отшельник, сие вовсе не значит, что он плохой. Отнюдь нет. Человек одинок, нелюдим, это его единственный недостаток. Он второй сын графа Батлера, не наследный, тем не менее средств на жизнь у него в достатке, вы не станете обузой. Преемника у него нет, Эдвард больше так и не женился. Завоюете его сердце, он всё завещает вам.

– Тётушка, как можно?! – возмущённо ахнула мама, прижав ладони к заалевшим щекам.

– Что "тётушка"? О себе подумайте прежде! – парировала старушка, и всё же присела в кресло напротив нас. – Ехать месяц, до этого времени поживёте в моём загородном доме, пока Грейси полностью не поправится. У меня достанет средств оплатить вам путешествие от точки до точки. Вдовья доля мне досталась пусть и небольшая, но до конца моих дней этих средств хватит с лихвой, даже ещё останется.

Мама прослезилась, она держалась до последнего и вдруг тихо расплакалась. Бабушка тут же пересела к нам и обхватила Мэделин за плечи.

– Лить слёзы нужно, но не стоит так часто, милая моя девочка, – ласково проговорила леди Мэй. – Всё наладится. Эх, нам, Батлерам, не сильно везёт в любви, что есть, то есть. Грейси, ты уж постарайся замуж опрометчиво не выходить, не гляди на сверкающую обёртку, смотри, что у человека внутри. Никогда не стоит спешить в подобных вопросах. Как показывает опыт, себе дороже.

Я молча кивнула, полностью с ней соглашаясь.

– Слуги помогут собрать все ваши вещи. Что делать с гардеробом Джона?

– Думала раздать всё нуждающимся, – вздохнула Мэделин, вытирая глаза ажурным платочком, – мне они ни к чему.

– По поводу твоего мужа, – тётушка Мэй поколебалась секунду, но договорила: – Разводы в нашей империи практически невозможны, но у тебя, так скажем, очень интересные обстоятельства, поэтому ты можешь обратиться в парламент, но не тут, а в его отделение на земле доминиона, там лорды, насколько я знаю, к женщинам относятся более трепетно, нежели наши сухари в палате лордов, и есть вероятность, что твоё прошение будет рассмотрено и даже одобрено. И ты получишь свободу от Джона Лероя навсегда.

Мама молчала долгую минуту. Развод – тоже пятно на репутации. Но хуже, чем есть уже точно не будет. По всей видимости, Мэделин пришла к тому же выводу, потому что сказала:

– Думаю, что именно так и поступлю, тётушка Мэй.

Глава 10

– Что же, пойдёмте позавтракаем? Грейси, ты как себя чувствуешь, сможешь составить нам компанию? – уточнила леди Мэй.

– Я бы с удовольствием, – вздохнула я, но чувствовала, что не осилю и четверти часа в сидячем положении, – но мне бы прилечь.

Мама вгляделась в моё лицо и, всплеснув руками, встревоженно воскликнула:

– Да ты вся побледнела, даже губы! Ну-ка, пойдём, может, Грега позвать? Чтобы отнёс тебя в опочивальню?

– Ну уж нет, – отказалась я, тяжело поднимаясь с места, – сама справлюсь.

– Узнаю нашу непреклонную Грейс, – улыбнулась бабушка и протянула мне свою трость, – всяко тебе она сейчас нужнее.

– Но…

– Бери, потом мне служанка вернёт… – не стала слушать меня старушка.

Женщина не успела договорить, без всякого стука в помещение стремительно ворвался Роберт.

– Что вы тут делаете? – заметив нас, грозно нахмурился он.

– Беседуем, – спокойно ответила бабушка, – тебя стучать не учили?

– Это, вообще-то, мой кабинет, – презрительно скривил тонкие губы мужчина. – Я так понимаю, ты решила поселить их в малом доме за городом? – сын пошёл в мать, проницательный и умный.

– Конечно! Не позволю внучке, которая едва оклемалась после падения, остаться на улице. И дом мой, не твой. Что хочу, то и делаю.

– Вдовий, и до момента пока ты жива, – лицо Роберта потемнело.

– Вот именно. И помирать я не собираюсь, по крайней мере, ближайшие несколько лет. К тому же чтобы ты не нервничал лишний раз и не пакостил моим девочкам, они пробудут в Розери всего около месяца и уедут.

– Да? Ну, это отрадно слышать. Куда собрались? – прищурился он, оценивающе рассматривая маму и меня.

– Куда – тебя вовсе не касается, но, будь уверен, что очень далеко отсюда, ты, возможно, больше никогда не увидишь ни Мэдди, ни Грейси. Так что советую выдохнуть и успокоиться, не стоит попусту сотрясать воздух и портить людям настроение.

– Пф-ф, – фыркнул Роберт, но уже не столь зло – ему явно понравилось услышанное, – прошу покинуть кабинет. У меня дела, – добавил он.

– Тётушка, я провожу дочь, потом составлю вам компанию за завтраком? – выйдя за дверь, спросила мама у задумчивой старушки.

– Да-да, конечно, милая. Буду ждать тебя на террасе в задней части дома. Полюбуемся началом дня и послушаем пение птиц за чашечкой ароматного чая.

– Будет просто прекрасно! – мама за очень долгое время искренне улыбнулась, тут же преобразившись: аквамариновые глаза засияли, на высоких скулах проступил едва заметный нежно-розовый румянец. У леди Мэделин появился чёткий план действий, и пока мы не доберёмся до провинции Ленстер, графство Уэстмит, а конкретнее до города Алон, у нас не угаснет надежда. Как дядя Эдвард встретит – бог весть, будем надеяться на лучшее. Как известно, надежда умирает последней. В любом случае, даже если мужчина погонит двух женщин, я что-нибудь придумаю. Осмотрюсь, оценю возможности и начну действовать. А точнее, работать. Это я всегда умела и любила.

Опираясь на элегантную трость, и поддерживаемая Мэделин, поковыляли в сторону второго этажа.

– Доченька, если есть вопросы, лучше пока их не задавай… Вокруг слишком много "ушей", – негромко попросила мама.

– Хорошо, – понятливо кивнула я.

Моё продвижение по лестнице и потом по коридору вышло медленным и мучительным. Всё же знатно прежнюю хозяйку тела приложило, и дух вышибло, буквально. Как и мой. Остаётся надеяться, что душа Грейс также переродилась и она счастлива.

Мэделин помогла мне лечь на кровать, заботливо укрыла и мягко произнесла:

– Поспи немного, я скажу Саре, чтобы пока тебя не тревожила. Завтрак принесут через пару часов.

– Да, было бы просто замечательно, – устало выдохнула я, чувствуя, как глаза сами собой закрываются. Этот променад знатно вытянул из меня силы.

– Я навещу тебя к обеду ближе, или сразу же после, составлю тебе компанию, ты задашь свои вопросы.

– Угу, – засыпая, ответила я. Напоследок почувствовала, как мама, ласково погладив меня по голове, тихо сказала:

– Всё будет хорошо, девочка моя, мы справимся.

Мэделин пришла аккурат после сытного обеда. Сара быстро собрала на поднос пустую посуду и оставила нас наедине, тихо прикрыв за собой дверь.

– Мама, расскажи мне о доминионе Ирлэнд: что там за люди живут, какие заведены порядки?

– Ох, милая, я и сама толком не знаю. Этот полуостров присоединили к нашей империи около пятидесяти лет назад, а это не так давно. Там своя культура, кто-то говорит, что дикари-дикарями. Кто-то восхищается этими жизнерадостными людьми, им импонирует лёгкий характер ирлэндцев, в нашем театре многие артисты родом оттуда, у них просто замечательные актёрские данные и прекрасный музыкальный слух.

Леди Лерой устало помассировала веки кончиками пальцев, словно собираясь с мыслями, я её не торопила, даже представить не могу, что творится в душе у бедной женщины и как она вообще держится, говорит и даже иногда улыбается. А ещё остаётся милой и доброжелательной, не позволяя себе срываться на окружающих людях.

– Я никогда не была на той далёкой земле. Знаю, что дядя Эдвард служил в тамошнем гарнизоне – гасил бунты, что затевали местные. А как всё успокоилось, купил поместье и женился на дочери купца, не став возвращаться на Родину. Сюда приезжал пару раз за всё время. На похороны старшего брата, моего отца, и потом на день твоего рождения, когда тебе исполнился годик. И то у него здесь были какие-то дела, просто так совпало. Мне он показался несколько ворчливым, но хамства не проявлял, а при виде тебя всегда грустно улыбался. Как-то обмолвился, что ты похожа на его дочь, что скончалась от какой-то болезни.

Мы обе помолчали, сосредоточенно размышляя об одном и том же: как нас примет, по сути, незнакомый человек. Была надежда, что сразу не прогонит, даст время осмотреться, познакомиться с новым городом, приглядеться к людям. Возможно, даст дельный совет, а то и несколько.

– Ничего, мама, – прервала затянувшееся молчание я, – без крыши над головой и без хлеба точно не останемся.

Вот только пока не знала, как стану ей объяснять свои знания и умения? Надо придумать логичное пояснение, сославшись на новые странные воспоминания, что стали появляться в голове после падения. Верят ли в этом мире в нечто мистическое? Бесспорно, да! Главное, подать так, чтобы меня не упекли в лечебницу для душевнобольных или на костёр. Ох, а есть ли здесь святая инквизиция? Ещё один вопрос в копилку…

Сборы заняли не так много времени и утром следующего дня мы с мамой, переодетые в дорожные платья, сидели на диване в малой гостиной на первом этаже и смотрели на наше

"богатство"– все пожитки уместились в два сундука средних размеров, в одном из них лежала одежда, в другом обувь и немногочисленные аксессуары в виде шляпок и перчаток. Мне стало обидно и за Мэделин, и за саму Грейс. Эти две женщины остались вообще ни с чем. Взгляд мамы ничего не выражал, она привыкла, смирилась со всем этим и просто настроилась на предложенный тётушкой план.

– Сейчас подадут карету, – леди Нокстэд, дробно постукивая своей элегантной тростью, вошла в комнату. – Розери в часе езды от Бирмингема, дорога не ухабистая, наезженная. Велела подушек накидать побольше, чтобы тебе удобнее было, – сказала она, глядя на меня.

– Спасибо, бабушка, – искренне поблагодарила я эту замечательную женщину.

– Лори сильно огорчиться, когда тебя не застанет, – добавила тётушка Мэй, переведя свои ясные глаза на Мэделин.

– И я тоже, – вздохнула мама. – Я написала ей письмо, сможете передать? – и протянула старушке запечатанный конверт.

Я уже знала, что Лоретта – единственная дочь тётушки, второй ребёнок после Роберта. Девушка жила в соседнем городе и часто навещала мать. Её воспитывала графиня, и, если верить рассказам Мэделин, была просто замечательным человеком, такой же доброй, как бабушка Мэй.

– Конечно, передам. И вот ещё что, – в руках старушки появился увесистый мешочек, который она извлекла из многочисленных складок своего платья. – Этих денег хватит до Алона, и ещё немного останется. Советую серебро припрятать так, чтобы никто не смог найти, вынимать только на станциях, чтобы купить билеты; а медяки переложите в другой кошель, и в тавернах, на рынках, постоялых дворах расплачивайтесь только ими. У меня не было возможности разменять крупные монеты, а по здравому размышлению вовсе передумала это делать: проще скрыть то, чего немного, нежели кучу медных кругляшей.

– Спасибо, тётушка, – мама не стала отказываться, просто взяла деньги.

– Вот и хорошо, – глаза бабушки улыбались. – Пойдёмте, провожу вас до экипажа, сундуки вынесут слуги.

Мы с мамой молча переглянулись и почти одновременно встали. Мэделин тут же подставила плечо, чтобы мне было легче идти. Что же, наше путешествие началось.

Глава 11

Дорога до Розери и в самом деле была наезженной, и я вполне комфортно себя чувствовала, плюс мягкие подушки на сиденье действительно оказались к месту. Сара осталась в поместье Роберта, она служила этим людям и поехать с нами никак не могла, другое дело, если бы мы могли ей платить за работу. Но денег на личную служанку у нас не имелось.

– В моём особняке живёт среднего возраста пара, Жюльетта присматривает за домом и готовит, а Нобрэ ухаживает за садом и сторожит имущество. Они хорошие люди, встретят как полагается и присмотрят за вами, – напоследок сказала тётушка Мэй, после чего крепко нас обняла. – Позволило бы здоровье, сама бы навестила Эдварда. Как он там, интересно? В его скупых письмах так мало новостей, эх! Грейси, – женщина переключилась на меня и, сжав мои руки в своих тёплых ладонях, добавила: – Береги себя. Ты у мамы одна, она не перенесёт, ежели с тобой, что приключится. Не ввязывайся во всякого рода авантюры. Почаще советуйся с матерью.

– Хорошо, бабушка, – ласково улыбнулась я.

– Вот и славно, вот и умничка!

Я наклонилась и обняла тётушку за хрупкие плечи, а потом и вовсе чмокнула в морщинистую щёчку.

– Вы тоже берегите себя. Вы нам нужна в добром здравии. У нас с мамой непременно всё будет хорошо, мы ещё приедем вас навестить, – заговорщически подмигнула я, удивив женщину.

– О, ты что-то задумала? – тихо спросила она, едва заметно улыбнувшись. Однозначно очень проницательная дама!

– Безусловно. Верьте мне, – также тихо ответила я.

Леди Нокстэд всмотрелась в мои глаза, что-то в них прочитала и медленно кивнула:

– Да, стержень Батлеров в тебе также крепок, но есть что-то ещё, понять бы… Благословляю тебя на добрые дела, пусть всё задуманное осуществится! – пожелала она мне и я, загадочно прищурившись, кивнула:

– Спасибо!

Розери оказался симпатичным загородным домиком, расположенном в тихом местечке, окружённом лесом. Здание в два этажа, небольшое, аккуратное. Ворота нам открыл высокий мужчина с густой бородой. Внешне Нобрэ напоминал лесника: такой же неповоротливый на первый взгляд и угрюмый на второй.

– Доброго денёчка! – стоило карете остановиться подле широкого крыльца, как из дома выпорхнула невысокого роста рыжеволосая женщина лет сорока. – Леди Мэделин, мисс Грейс, рада вас видеть! Вчера вечером получила записку от леди Мэй, она всё объяснила… – тараторила экономка, приветливо нам улыбаясь.

Женщина производила самое приятное впечатление от чистого передника и накрахмаленного чепчика до светло-зелёных умных глаз.

– Добрый день, Жюльетта, – кивнула мама, улыбнувшись в ответ. Я тоже поздоровалась, с любопытством осматриваясь.

Кирпичный особняк с широкими оконными проёмами, застеклёнными только на первом этаже. Вообще заметила, что так делали все аристократы и богатые купцы: стёкла были только в окнах первого этажа. Вся территория огорожена каменным забором высотой с полтора моих роста. Мощёная дорожка вела от ворот к дому, а по бокам густо росли кустарники и деревья, всё ухоженное, кусты аккуратно подстрижены.

– Пройдёмте в дом? Обед уже готов, – пригласили нас внутрь.

Внутреннее убранство этого дома разительно отличалось от бьющего в глаза богатства особняка Роберта Нокстэда.

Здесь было уютно. Начиная от входной группы в виде вместительно холла на первом этаже, заканчивая комнатой, в которую меня заселили. Домик обставляли с любовью, каждая вещица, даже статуэтка на каминной полке в форме танцовщицы, созданной из костяного фарфора, имела собственную историю, и мне бы хотелось её узнать.

– Видна рука тётушки Мэй, – словно прочитала мои мысли мама. – Как ты себя чувствуешь?

Я прислушалась к себе и почувствовала… голод. Страшно хотелось есть, хотя вроде бы и завтрак был весьма сытным и дорога до Розери совсем недолгая.

– Мне бы перекусить. А в целом рёбра почти не беспокоят, рана на затылке едва-едва саднит, но терпимо.

– Если хочется есть, значит, дела идут хорошо, – улыбнулась мама, но я видела притаившуюся грусть в её голубых глазах.

Наша жизнь в загородном доме бабушки текла размеренно и спокойно. Установилось даже некое расписание, и в течение дня мы успевали многое обсудить, строили планы на будущее. Мама умела прекрасно вышивать, я даже заикнулась, что её работы можно выставить на продажу. Она посмеялась, сказав, что таким рукоделием никого не удивить, потому что каждая порядочная женщина умела ровно то же, что и она.

– У других не видела, но от твоих работ я в невероятном восхищении, у тебя тонкий вкус, а таким навряд ли обладает каждая первая, – честно высказалась я. Мои слова явно пришлись по сердцу Мэделин: нежные щёки чуть порозовели, и женщина довольно улыбнулась.

Я ещё раз задумчиво посмотрела на вышитые розы на куске шёлковой ткани, которую нам дала Жюльетта и спросила:

– Мама, а ты умеешь рисовать?

– Почему спрашиваешь? – вопрос явно удивил женщину. – Когда-то мне давали уроки живописи, вроде неплохо получалось, – всё же ответила она на мой требовательный взгляд.

– Сможешь нарисовать меня? – допытывалась я.

– Хмм, нужно попробовать, – взор голубых глаз стал оценивающим.

– Рисовать придётся на ткани. Угольком и очень тонко, аккуратно. А потом ты нитями "раскрасишь"получившееся изображение.

– Ты имеешь в виду что-то наподобие гобеленов? – уточнила мама, откладывая иглу в сторону.

– Только не какую-то сцену, а именно портрет. А ещё… Мама, я не помню, скажи, пожалуйста, в нашей империи есть цветное стекло?

– Да, но оно жутко дорогое.

– А мастера, это стекло создающие, живут в Ирлэнде?

– Этого я не знаю, в Бирменгеме они точно есть, но, повторюсь, их услуги нам не по карману.

– Это хорошо, что они вообще есть в нашей Империи, а не где-нибудь за морем, – я прикусила нижнюю губу размышляя. Вышивка бисером для богатых клиентов. Полотно будет сверкать и переливаться не хуже драгоценных камней. И стоить не меньше. Если предложить стеклодуву договор, где я ему расскажу технологию создания бисера, то дело может выгореть, и платить никому не придётся. В своё время я увлекалась бисероплетением, много информации перелопатила, вот теперь все эти знания и пригодятся. Эх, кабы знать, где упадёшь, то соломинки бы подстелила.

– Дочка, что ты задумала? – Мэделин всё это время не отрываясь следила за выражением моего лица.

– О, мама, дай время, есть мысль, но ей нужно сформироваться во что-то более конкретное, – не стала сразу отвечать я, поскольку сама до конца не была уверена в успехе этой затеи.

– Хорошо, – выдохнула леди, снова сосредотачиваясь на рукоделии.

День за днём я чувствовала себя всё лучше: организм на хорошем питании и свежем воздухе очень быстро шёл на поправку.

Через две недели спокойной жизни, перед сном мама вдруг спросила:

– Грейс, как ты себя чувствуешь? Готова продолжить путешествие?

Я прислушалась к себе, потрогала затылок, повертела шеей, даже сжала рёбра.

– Всё хорошо, ничего не болит, – кивнула я. – Уверена, что выдержу дорогу, какой бы длинной она ни была.

– Ох, милая моя, путь нам предстоит неблизкий, – грустно улыбнулась мама и, пожелав мне доброй ночи, отправилась к себе.

Следующим утром к нам в гостиную, где мы с мамой любили пить чай и читать книги, постучала Жюльетта.

– Леди Мэделин, Нобрэ купил, что вы просили, – и передала графине два небольших прямоугольной формы листа серо-желтоватой бумаги с напечатанным текстом и каким-то рисунком сбоку. Приглядевшись, рассмотрела карету.

– Спасибо, Жюльетта, – кивнула мама. Стоило экономке нас оставить, протянула бумажки мне, – это билеты в Пенкридж, первая станция на пути к Алону.

– Отправление через три дня, – увидев дату и время, заметила я.

– Да. Ближайшая дата. Не хочу более напрягать и без того сложные отношения между тётей Мэй и Робертом. Он ведь и дня не даст ей спокойно вздохнуть, пока мы тут гостим.

– Я всё понимаю, – ответила я, – пойду соберу вещи.

И вот мы на станции в пригороде Бирмингема, вокруг толкутся люди, стоит невообразимый шум. Ржут кони и кричат погонщики. Суета немыслимая. Кто-то отбывает, кто-то, наоборот, прибывает. Тут же их встречают родственники с галдящими детьми. В общем, всё так же, как на привычном мне вокзале моего мира. С поправкой на множество карет и лошадей, гадящих куда ни попадя, благо хоть за ними тут же прибирали, иначе наши с мамой подолы дорожных нарядов безвозвратно пострадали.

– Пэнкридж! Пэнкридж! – заорали так, что мы с матушкой одновременно вздрогнули. – Посадка!

Дойти до "зазывалы", стоявшего на крыше кареты, чтобы его было видно издалека, в этой толчее оказалось непросто, но мы, победив в почти неравной схватке с людским потоком, со сбившимися набок шляпками, наконец вышли к необыкновенно крупной карете. Позади нас шагал Нобрэ и кучер, оба мужчины тащили на своём горбу наши сундуки.

– Сюда давай! – окликнул их тот самый глашатай, сидевший на крыше дилижанса. Парень протянул руки и по одному перетащил наш багаж к себе, после чего ловко обмотал их верёвками, наверное, чтобы не упали, когда транспорт наберёт скорость.

– Ваши билеты, дамы? – перед распахнутой дверцей замер усатый мужчина в одежде станционного рабочего.

Мэделин молча достала их из ридикюля и протянула проверяющему. Тот, удовлетворённо кивнув, вернул бумажки нам.

При помощи молчаливого Нобрэ мы забрались внутрь дилижанса и устроились на пронумерованных местах. Жёсткое, но широкое сиденье, не предполагало комфорта. Что же, нам не выбирать, придётся привыкать.

– Леди Грейс, – из широкого камзола садовник вынул подушечку и протянул мне. Я удивлённо на него воззрилась. – Жюльетта сказала отдать вам. Доброго пути, леди! – и, низко поклонившись, вместе с кучером исчез в толпе. Я даже поблагодарить не успела.

Мама улыбалась, впрочем, как и я, подкладывая подушку под пятую точку. Такая маленькая забота вдруг согрела сердце. Всё же мир не без добрых людей.

Глава 12

Если бы я знала, во что ввязываюсь, точно передумала бы и убедила маму переехать в городок в неделе пути от столицы и там обустроиться. Месяц… целых тридцать дней, плюс-минус, нам предстояло тащиться куда-то на край земли. И сейчас я сильно сомневалась, а стоила ли овчинка выделки?

Первую неделю я свыкалась и приноравливалась к тряске, к запахам в замкнутом пространстве дилижанса, к надоедающим, любопытным взорам попутчиков. Молчала и терпела, впрочем, как и мама. Какая бы духота ни стояла, леди Лерой оставалась безупречно свежа и холодно-равнодушна. Я изо всех сил старалась ей соответствовать, но иногда мне очень сильно хотелось крепко выругаться и, махнув на все планы рукой, остаться в каком-нибудь симпатичном городишке навсегда. Лишь мама и природное упрямство заставляли не опускать руки.

Дорога в летнюю пору угнетала, но жара всяко лучше холода, потому что в зимнюю стужу я бы точно не выдержала. Всё время я пыталась либо спать, что удавалось с превеликим трудом, либо смотреть в окно на проплывающие мимо шикарные пейзажи девственных лесов, цветущих лугов и на крестьян, работающих в полях. В этом мире не было магии, но первозданность природы, единение человека с ней уже являлись для меня неким волшебством. Ведь в моём мире большинство людей только брали, ничего не давая взамен матушке-природе.

Дилижанс всегда сопровождала четвёрка военных, их задачей была охрана пассажиров и почты, в том числе бандеролек. Отправить письмо в соседний город или даже в иную провинцию стоило недорого, а вот коробочку в два раза больше и цена зависела от размера самой посылки, поскольку занимала место.

Карету тряхнуло на очередном ухабе, я сжала зубы, зло прищурившись. Время близилось к обеду и скоро будет остановка прямо посреди дороги, чтобы пассажиры могли размять ноги, сходить по нужде и перекусить.

– У вас полчаса! – стоило экипажу полностью остановиться, выкрикнул помощник возницы и распахнул дверцу с моей стороны, – леди Грейс, прошу, – и подал не самую чистую на свете руку.

Я спокойно приняла помощь и спустилась на пыльную землю. Мама вышла следом за мной. Мы почти одновременно надели шляпки и осмотрелись. Впереди в пятидесяти метрах от тракта стеной высился густой смешанный лес, пели птицы и шелестел ветер в высокой траве.

– Что же, – вздохнула мама, не обращая внимание на визгливые возмущения барышни, которой возничий помощи не предложил, – нашим нарядам уже ничего не страшно, прогуляемся? – и вопросительно на меня посмотрела.

– Пойдём, мама, – кивнула я. – Может, ручеёк какой в лесу сыщем.

– Леди Мэделин, мисс Грейс, далеко в чащу не заходите, – крикнул нам в спину капитан охранников, крупный мужчина с пышными усами и добрыми глазами. Ему очень нравилась графиня, я прекрасно всё видела. Но мистер Стром не надоедал, просто любовался и восхищался моей мамой издали.

Двух попутчиц такое положение вещей бесило неимоверно, они шипели, точно гадюки, и каждый раз пытались подначить то меня, то матушку. При этом всячески старались угодить бравому солдату: то булочку предложат, то водицу, разбавленную вином.

Мы же молчали, не обращая на их грубость ни малейшего внимания. Вот что мы могли поделать, если природа наградила нас симпатичной внешностью? А вкупе с воспитанностью мы невольно привлекали внимание. Мне оно первое время очень досаждало, но перед глазами был пример – леди Лерой, и я потихоньку у неё училась выдержке и спокойствию.

Подобрав подолы дорожных нарядов, двинулись в сторону леса. Ухабы и кочки неимоверно раздражали, каждая из них так и норовила подвернуть лодыжку. Я крепко подхватила

маму под локоток и, опираясь друг на друга, осторожно двинулись вперёд. Невзлюбившие нас спутницы фыркнули вослед и отправились в другую сторону. За жидкие кустики подле дороги и женщин вовсе не смущало, что за ними особо не спрятаться.

Через несколько минут мы шагнули под сень деревьев, в благодатную прохладу, что даровал плотный покров переплетённых в вышине ветвей.

– Как же тут хорошо! – выдохнула мама, стягивая перчатки.

Я прислушалась.

– Кажется, с той стороны журчит ручеёк, – через минуту напряжённой тишины, сказала я. – Пойдём?

– Да, давай. Заодно фляжки наполним, воды совсем немного осталось, а к следующей станции прибудем только к вечеру.

– У меня тоже почти пусто. Сегодня выдался до невозможности жаркий день. Наверное, скоро пойдёт дождь, или станет ещё жарче.

– Интересный прогноз, – улыбнулась мама, следуя за мной вглубь чащи.

Через пять минут мы-таки вышли к небольшому ручейку. Вода шустро бежала по камешкам, журча и переливаясь серебристыми всполохами в лучах полуденного солнца, что прорывались сквозь густую листву солнечными зайчиками.

Первым делом утолили жажду, наполнив свои маленькие фляжки прохладной вкусной водой, затем помыли руки и лица, протёрли шеи.

– Почти как заново родилась, – заметила я, устраиваясь на мягком травяном ковре и вытягивая гудящие ноги, а потом и вовсе легла на спину, давая время ноющей пояснице "прийти в себя". Мама, поколебавшись секунду, повторила за мной.

– Знаешь, так хочется остановиться и больше никуда не двигаться, – через несколько минут тишины, призналась мама. Она высказала вслух ровно те же мысли, что давным-давно преследовали и меня.

Я растерялась. Вот что сказать? Если соглашусь, то вдвоём спасовать легче и, таким образом, мы никогда не доберёмся до дяди. Но внутреннее чутьё подсказывало, что навестить Эдварда Батлера, просто необходимо! И отмахнуться от никогда не подводившей меня интуиции я не могла.

– Нужно непременно доехать до Алона, мама, – вопреки желанию согласиться с Мэделин, медленно произнесла я, – не стоит подводить тётушку Мэй.

– Да, ты права. К тому же дядя Эдвард хоть какая-то опора для нас, беззащитных женщин. Наверняка в Алоне все его знают, он ведь был не рядовым солдатом, а командующим императорской гвардией.

Звучало внушительно, если всё так, то нас с мамой не посмеют обижать, а это для двух женщин весомый аргумент. В этом мире и времени быть совсем без опоры в виде мужчины сложно. Нас растопчут и не заметят. Делать что-то от женского имени – заведомо испортить любое начинание. Придётся подстраиваться под суровые реалии. Даже вот это путешествие – чистой воды авантюра. В дороге нас могу ограбить, по ходу дела играючи прибить и прикопать в придорожной яме. Страшно о таком даже подумать, но стоит этими размышлениями поделиться с Мэделин.

– Мама, если на дилижанс всё же нападут разбойники, всяко может случиться, нам нужно действовать сообща. По ситуации.

– Я понимаю. Страшно до жути, – мама села, вернула шляпку на голову и подвязала ленты под подбородком. – Пойдём, время отдыха подошло к концу. Нас, наверное, кинулись искать.

– Сомневаюсь, – скептически хмыкнула я. – Мы не поели, – вспомнила, поднимаясь следом за графиней.

– Аппетита нет, больше пить хочется, – призналась мама.

– Если честно, я тоже ничего не хочу, – и это было правдой. Кусок в горло не лез в такую жару.

Выбравшись из-под сени деревьев, увидели скачущего в нашу сторону всадника, коим оказался капитан Стром.

– Ух! А мы вас потеряли, я отправился на ваши поиски! – воскликнул он, притормаживая рядом с нами.

– Прошу прощения, капитан, – извиняющееся улыбнулась мама, – несколько потеряли счёт времени. Зато славно передохнули.

– Это радует, – не смог сдержать ответной улыбки военный.

Когда мы добрались до кареты, пассажиры уже сидели внутри и недовольно на нас смотрели. Две кумушки, бывшие друг другу подругами, по обыкновению не удержались и высказались в наш адрес, усердно стараясь не подавиться собственной желчью:

– Из-за вас мы тут лишние минуты жаримся. Никакого уважения к чужому времени, а ещё леди! Пф-ф! – почти одновременно фыркнули они. Крошки хлеба, налипшие на губы дам, тут же полетели в разные стороны, на сидевших напротив двух мужчин. Те промолчали, не желая ввязываться в ссору со склочными особами.

Дилижанс тронулся в путь, с небольшим опозданием прибыв на следующую станцию.

А двое суток спустя мой прогноз стал реальностью: небосвод заволокли плотные серые тучи, между небом и землёй стало не просто жарко, а до невозможности душно. Ближе к вечеру, приблизительно в трёх-четырёх часах езды до следующего пункта, небеса наконец-то разверзлись над нами, проливаясь на землю мощными струями холодного дождя.

Карета продолжила ход, но пару часов спустя остановилась. Дорогу развезло так, что двинуться дальше – точно завязнуть. Мужчины, а точнее, возничий, его помощник и капитан охраны собрались вместе, чтобы посоветоваться, как быть дальше.

– А вдруг придётся заночевать тут? Посреди дороги? Рядом лес, там дикие звери… Голодные волки! – ахнула одна из дамочек, дохнув на нас ароматами скисшего дешёвого вина.

– Летом они не нападают, – буркнул мужчина, сидевший напротив визгливой тётки. – Не стоит нагнетать и говорить о том, чего не знаете.

– Да как вы!..

Но договорить ей не дали, в дверцу постучали и внутрь дилижанса, промокший до нитки, заглянул капитан Стром:

– Решено впрячь наших коней, как дополнительных, в карету и попробовать прорвать сквозь непогоду…

Глава 13

Мы сидели внутри и глядели друг на друга. Естественно, окна в дилижансе не были застеклены и закрывались специальными заслонками, и вот сейчас они были плотно задвинуты, чтобы внутрь не попала влага. На улице дождь и пасмурно, внутри кареты темно и тесно. Никогда не боялась замкнутых пространств, но сейчас чувствовала себя неуютно. Мама сидела рядом и, найдя мою руку, крепко за неё ухватилась.

Как только впрягли дополнительную двойку коней, сразу же последовала команда трогаться. За шумом дождя с трудом различила свист возничего и щелчки кнута. Транспорт дёрнулся и тяжело покатил вперёд. Я чуть приоткрыла створку и посмотрела наружу: охранники, кто остался без коней, топали пешком, увязая по самую щиколотку в грязи. Мне стало отчаянно жаль этих людей. Работка – не позавидуешь, и вот сейчас эта некстати разыгравшаяся непогода.

– Закройте! – взвизгнула одна из бабёнок, – холод запускаете! Не хватало по вашей милости простудиться!

Я даже отвечать не стала, просто вернула дощечку на место и откинулась на жёсткую спинку лавки. Прикрыла глаза. Из-за непогоды разболелась голова, ломило в висках, это, если не считать ноющей спины.

Через полтора часа плюс-минус такого хода дилижанс вдруг резко просел, я практически физически ощутила, как в нём что-то сломалось. Нас качнуло вперёд, я едва успела вцепиться в ручку дверцы и не дать ни себе, ни Мэделин, улететь вперёд лицом в сидевших напротив людей.

– Ох, божечки, что это такое было? – почти хором воскликнули склочные тётки.

Даже толком никого не видя, ощутила общее напряжение. Прислушалась, но за ливнем, который стал ещё мощнее, расслышать хоть что-то в этот раз не удалось. Экипаж перекосило на одну сторону. М-да, кажется, приехали. Резкий стук в дверцу заставил вздрогнуть маму, продолжавшую жаться ко мне, в поисках тепла и поддержки.

– Господа и дамы, прошу наружу, до станции придётся пройтись пешком. У кареты сломалось колесо, – глухой голос кого-то из солдат подтвердил мои догадки.

После его слов началось что-то невообразимое. Даже обычно угрюмо молчавшие пассажиры-мужчины не сдержали крепкое словцо. Я и сама была крайне недовольна всем происходящим, но ничего поделать с обстоятельствами не могла.

– Мама, как ты? – негромко спросила я замершую Мэделин.

– Всё в порядке, не волнйся. Что же, вечерняя прогулка под дождём, – в темноте едва заметно блеснули её белые зубы, – что может быть романтичнее?

– Мама, – вздохнула я, – я страшно завидую твоему оптимизму и выдержке! – с этими словами хотела было потянуть дверцу, но меня опередили, она сама распахнулась, впуская внутрь холод и дождь. Внутрь залез капитан Стром, быстро захлопнув за собой створку и усаживаясь на одно свободное место, поинтересовался:

– Есть желающие заночевать в карете? – Встревоженные пассажиры разом смолкли. – С вами останутся возничий, его помощник, и все военные, сторожить скарб, это наша обязанность, – добавил капитан.

Пассажиры стали быстро переговариваться, решая. Я посмотрела на маму:

– Мы тут замёрзнем; неизвестно, когда ливень прекратится. А на станции сухо и тепло, и наверняка можно поесть горячего.

– Не хочу мёрзнуть тут всю ночь, – покачала головой мама, – и потом, неизвестно когда дорога более-менее просохнет. И нам всё равно придётся шагать по грязи в деревню. Сейчас или рано утром, всё одно… Мы согласны, капитан Стром.

Сложный выбор, на самом деле.

– Леди Мэделин, мисс Грейс, вас могут довезти наши солдаты верхом, если позволите, – негромко добавил Стром, но всё равно был услышан ушлыми соседками.

– А почему это их подвезут? – возмутилась одна из них, кажется её звали Гретта. – А как же мы? Мы ведь тоже женщины!

– И вас тоже, – вздохнул мужчина.

– Пусть мы не дамы, но жаждем отправиться на станцию, – подал голос мужчина-пассажир.

– Значит, все хотят покинуть это место?

– Да!

– Итак, вас шестеро, четверо солдат…

– Мы с мамой можем оседлать одну лошадь, – влезла я.

– Хорошо, возьмёте моего Верного, а я одолжу коня у возницы, – кивнул мужчина. – На одного бойца по одному пассажиру. Мы доставим вас всех до селения, и оставим там, а после обязаны вернуться к дилижансу, чтобы стеречь багаж и письма. Скажете хозяину станции, пусть найдёт кузнеца и предупредит его, чтобы тот с утра явился к карете и помог починить колесо.

– Животные выдержат двойной груз? – уточнила мама.

– Да, вполне. И не такое переживали, – быстро ответил капитан и распахнул дверцу. – Высаживаемся! – кинул на ходу, выпрыгивая наружу. После него осталась приличная лужа на лавке и на дощатом полу экипажа.

– Пойдём, мама, – деловито кивнула я, натягивая свои атласные перчатки. Глава охраны замер подле кареты и помог сначала мне, а затем и маме сойти на землю.

– Спасибо, капитан Стром.

– Том, можно просто Том, леди Мэделин, – вдруг сказал он маме и та, чуть помедлив, кивнула. Не предложив называть её также просто по имени. Но оно и понятно, воспитание и социальный статус не позволяли графине быть на "ты"с практически незнакомым мужчиной. – Возьмите мой плащ, – и вручил его графине, после чего резко отвернулся, дабы она не успела отказаться.

Оказавшись снаружи, я промокла в ту же секунду. Мэделин хотела было накинуть плащ мне на плечи, но я отказалась. Маму нужно беречь. А я справлюсь.

Непогода была жуткой, гремел гром, ветвились молнии. Порывистый ветер чуть не сорвал с головы шляпку, я успела вовремя её подхватить и туже перевязать ленты под подбородком.

Мама спокойно забралась в седло, усевшись боком. Я покачала головой – никогда не понимала эту позу, и при помощи одного из солдат, устроилась позади неё, только села по-мужски, как привыкла.

– Держись! – громко, прямо в ухо, предупредила Мэделин и, посмотрев на капитана Строма, усадившего перед собой Гретту, бывшей весьма внушительных габаритов, тронула поводья. Умное животное тут же двинулось вперёд.

В отличие от иных пар, наша была самой лёгкой, что я, что графиня, весили немного, в сумме под сто килограммов, как один крупный мужчина, так что нашему коню невероятно повезло.

Наконец, вся кавалькада стронулась с места. Ехать нужно было ровно по прямой, никуда не сворачивая. Впрочем, заблудиться тут невозможно: по бокам от тракта непроницаемыми стенами стояли леса.

С каждым мгновением становилось всё темнее, мир стремительно погружался во тьму ночи. Ни света луны, ни мерцания звёзд – ничего из этого не проникало сквозь плотную завесу тяжёлых мрачных облаков, продолжавших истерично лить слёзы на нас, бедных путешествен-

ников. Ветер свистел в ушах, я посильнее сжала коленями бока мощного коня и в итоге вырвалась вперёд. Некоторое время спустя все остальные внушительно отстали: их лошади гораздо глубже вязли в дорожной грязи, нежели наша. А ещё мне хотелось как можно быстрее достигнуть убежища и моё душевное стремление неведомым образом передалось умному животному. Я просто мечтала согреться!

Позади Верного распахнулись крылья ночной мглы, мы слились с ветром, несясь вперёд так быстро, как только было возможно.

В итоге через четверть часа стремительного аллюра далеко впереди я увидела заветные маленькие точки тёмно-жёлтого цвета.

Станция.

Их хозяева были обязаны жечь масляные лампы под козырьком здания, чтобы те выступали неким маяком для путников и в первую очередь дилижансов. Дождь долбил с усердием дятла, пронзая наши с мамой худые тела буквально насквозь. Я ужасно замёрзла, с трудом ощущая пальцы рук и ног. Но надежда в виде света впереди, не позволяла сдаться и вот, как итог, мы всё же достигли столь вожделенной цели.

Не успели спешиться, как дверь дома распахнулась и наружу вышел невысокий мужчина с пышными усами и внушительной всклокоченной бородой, в руках у него было ведро, и он что-то негромко, не попадая в ноты, напевал.

– Ох, ты ж! – картинно схватившись за сердце, воскликнул он, узрев нас на пороге. – Дамы, вы откуда такие? Напугали, до седин в волосах. Как призраки утопленниц, ей-богу!

– Веди в дом! – рявкнула я, стараясь не стучать от холода зубами, не до политесов и объяснений, – скорее!

И только оказавшись в тёплых сенях, позволила себе облегчённо выдохнуть.

– Добрались, – прошептала мама, и, сев на лавку, устало прикрыла веки.

Глава 14

В доме жили несколько человек, точнее, семья управляющего станцией: жена, пятеро детей разного возраста, и бабушка. Здание было двухэтажным, на втором сдавались комнаты для тех, кто ждёт дилижансы.

– Доброго вечера! – к нам подошла уставшая от непростой жизни, но с мягким взором, женщина. – Меня Нита зовут. Вы страшно промокли! Давайте к очагу, вам нужно согреться!

– Добрый вечер! – кивнула я, ещё раз посмотрев на маму, продолжавшую сидеть на лавке с закрытыми глазами. – Одежда у вас есть? Любая подойдёт, лишь бы сухая. Также снимем комнату с одной кроватью. Таз с горячей водой. Вскипятите молоко и жир, если есть мёд, добавьте туда, прошу вас. Две полные кружки и принесите нам. И шерстяные пледы.

Нита кивала запоминая. Мои слова были услышаны старушкой, лежавшей на лавке рядом с печью, она даже села и внимательно на меня посмотрела, стоило мне смолкнуть, сказала скрипучим голосом:

– Веди их в комнату, я займусь молоком и воду ещё поставлю. Деточка, – посмотрела на меня, – ты ведаешь что-то в лекарском деле?

– Да, – чего уж тут, да и сил скрывать не было. Мама на мои слова никак не отреагировала, она, кажется, вообще задремала, – если есть согревающая мазь, буду признательна.

– Такой нет, травки кое-какие найдутся, но ты лучше придумала. Повезло тебе, девонька, мёд тоже есть, вам на двоих хватит.

– Идите за мной, – глядя на нас понимающим взором, сказала Нита.

– Мама, – позвала я родительницу. А потом пришлось и потрясти за холоднющее плечо.

– М-м? – не размыкая век, спросила Мэделин.

– Нужно идти. Чтобы не заболеть стоит поторопиться, – выдохнула я. Графиня вяло кивнула, и с моей помощью встала на ноги.

– Спасибо! – поблагодарила я бабусю, глянув на неё напоследок. После чего подхватила Мэделин под руку и тяжело зашагала в сторону темнеющей старой лестницы. По скрипучим ступеням, древесина на коей давным-давно рассохлась, мы вскорости поднялись на второй этаж, освещённый одной масляной лампой, висевшей на крюке у стены.

– Сюда, – Нита толкнула третью дверь справа и посторонилась. – Вы пока возьмите пледы в шкафу, я схожу за одёжкой.

Благодарно кивнув, мы вошли в помещение и, прикрыв дверь, стали раздеваться. Пальцы нас не слушались, превратившись в негнущиеся палки. Но, в итоге, намучавшись изрядно, мы-таки сбросили мокрые тряпки прямо на пол, застеленный относительно чистым сеном.

– Я вам лампу принесла и одежду, – через пять минут в дверь снова постучала Нита.

– Войдите, – ответила я, и створка тут же открылась. Хозяйка дома тут же заглянула внутрь и протянула масляный светильник.

– Спасибо! – взяв предмет в руки, быстро поставила на небольшой столик, стоявший у закрытого ставнями окна.

– И вот… они чистые, носки сама вязала, – стушевавшись, добавила женщина, – она протянула мне ворох какой-то одежды.

– Ох, вы нас так выручите! Мы всё купим, не волнуйтесь, – ответила я, оглянувшись на маму, сидевшую на кровати, я её закутала с ног до головы в шерстяное одеяло.

– Сейчас Ганс принесёт таз и воду. Давайте я вам помогу одеть вашу матушку? А вы пока сами, – вдруг предложила она. Я не стала отказываться и, просто кивнув, принялась быстро переодеваться.

Через пять минут я и мама, вдвоём сидели на лежанке и ждали сына словоохотливой хозяйки.

Мальчик лет десяти пришёл минуты через две. Занёс в комнату лохань и два ведра, одно с холодной, другое с горячей водой. Пока Нита смешивала жидкость, чтобы создать для нас приемлемую температуру, я сказала родительнице:

– Мама, будем греть ноги, – приказным тоном сказала я, Мэделин вяло кивнула, сняв с неё вязаные носки, сделала то же самое и опустила наши ноги в горячую воду. Одновременно охнув, резко вынули ступни, по всему телу волной прокатились мерзкие ледяные мурашки. – Мам, ещё раз, – и окунули снова. Повторили так несколько раз, пока полностью не привыкли к воде.

– Ваше молоко с жиром и мёдом, – в комнату вполне шустро, без всякого стука, вошла старушка. – Пейте, я ещё туда кое-какой целительской травы набросала.

– Большое вам спасибо! – кивнула я, – мою кружку на стол поставьте, будьте добры, мне нужно сначала матушку напоить.

Мэделин сидела, обмякнув. Вынудить её выпить целую глиняную немного щербатую кружку вышло не сразу. Но в итоге половину она всё же осилила. После чего с помощью Ниты, мы насухо обтёрли её покрасневшие ноги и вернули шерстяные носки на место. Уложив маму к стене, подоткнула плед со всех сторон, и взялась за себя. Молоко с жиром и травяным сбором уже поостыло, но всё ещё было достаточно тёплым. Морщась и стараясь дышать через раз, выпила всё до капли, и легла рядом с Мэделин. Пока занималась делом, рассказала Ните о ливне, заставший карету в пути и что надо бы поутру послать за кузнецом, чтобы он починил дилижанс.

– У вас есть камни? Гладкие, лучше плоские и размером с две моих ладони, – прежде чем хозяйка станции нас оставила, уточнила.

– Вокруг дома их полно. А зачем? – поинтересовалась она.

– Киньте их в очаг, прямо на огонь, потом выньте, только не обожгитесь, дайте немного остыть, заверните в плед и принесите сюда. Пожалуйста. Я за все доставленные хлопоты оплачу монетой, – деньги у нас с мамой были, не великие, но уж расплатиться с этими людьми точно хватит.

– Ой, что вы, – махнула было рукой женщина, – не хватало, чтобы вы простудились, вовсе времена – здоровье на первом месте. Ничего вы нам не должны. За комнату и за еду, как и все постояльцы, и довольно. Если бы я в такую ситуацию попала с бабушкой, неужто вы бы взяли с меня деньги?

– Нет, конечно, – слабо улыбнулась я.

– Вот и я так думаю, – задорно блеснув глазами, добавила: – Как камни будут готовы, принесу их вам, – недоговорив, женщина вдруг замолчала, прислушиваясь к чему-то. Я тоже напрягла слух: снизу послышались скрип отворяемой двери и голоса.

– Ваши попутчики прибыли, – сама себе кивнула Нита. – Пойду, займусь ими. Вот только молока на них не хватит, как и мёда. Взвар травяной сделаем, – размышляя вслух, она вышла в коридор, тихо прикрыв за собой дверь.

Я прислушалась дыханию Мэделин. Вроде ничего так, глубокое. Нащупав её руку, посчитала пульс.

– Всё в порядке, – пробормотала вслух и прикрыла веки.

Я так вымоталась, что сон сморил меня практически мгновенно.

– Леди Грейс, – меня кто-то осторожно позвал. Я едва разлепила свинцовые веки, вот вроде только уснула, а кто-то пришёл и потревожил. – Ваши камни готовы, – в дверном проёме застыла фигура Ниты с каким-то небольшим мешком в руках.

– Ох, – мне хотелось встать, но я бессильно упала назад на набитый сухой травой матрас.

– Вам в ноги положить? – сочувствующее предложила сердобольная женщина.

– Да, – хрипнула я, чувствуя неприятный ком в глотке. Так, надеюсь, что это не отголоски чего-то нехорошего.

Нита, понятливо кивнув, подложила голыши нам в ноги. И, пожелав доброй ночи, ушла. Я снова постаралась расслабить члены, что удалось с трудом. И прислушалась к ощущениям. Тепло от горячих камней медленно, но верно потекло вверх, согревая наши ноги. Итак, я сделала всё, что могла в подобных экстремальных условиях. Осталось надеяться на лучшее.

Утром стало понятно. Обошлось. У нас с мамой немного болела носоглотка, но жара, ломоты в теле – всего этого не было.

– Мама, ты как? – тревожно вглядываясь в лицо Мэделин, уточнила я первым делом, стоило нам проснуться.

– Да вроде ничего так, – помедлив ответила она, – горло саднит, но вполне терпимо.

Я облегчённо выдохнула:

– И у меня так же. Жара вроде нет.

В отличие от других попутчиков: мужчины слегли в горячке. А вот Гретту и её подругу пробил только насморк. Тоже повезло, и спали они всю ночь у печи, потеснив детей и старушку.

Дороти оказалась очень опытной и умной женщиной, а ещё доброй, как и её невестка, Нита.

Дилижанс с целым колесом подкатил к веранде станции ближе к вечеру. Дорогу знатно развезло и не дождливый, но пасмурный день всё же не способствовал быстрому высыханию тракта. Капитан Стром первым делом убедился, как пассажиры. Но если верить выражению его лица, прежде всего его беспокоило состояние графини Лерой. Он даже съездил в деревушку, что была рядом со станцией, и купил для нас немного мёда, а у хозяина станции приобрёл свежую куриную тушку, чтобы нам сварили наваристый бульон. Мама пыталась отдать ему деньги, но Том даже слушать не стал.

С утра до ночи мы с графиней полоскали горло и промывали нос настойкой, приготовленной Дороти. И ощущали, что через пару-тройку дней полностью оправимся. К тому моменту сможем тронуться в дальнейший путь. А захворавших мужчин на себя взяла деревенская знахарка. Чем я могла помочь спутникам? По сути, ничем, у меня не было ничего, даже простого жаропонижающего. Их будут лечить травами, но в подобной сфере мои знания сильно уступают местным лекарским.

Через четыре дня дилижанс снова тронулся в путь. Немного оклемавшиеся мужчины решили двигаться дальше и заняли свои места в карете.

Через несколько дней мы всё же достигли нужного нам города, где пришлось на пару дней снять комнату в ожидании следующего дилижанса, который повезёт нас дальше, в сторону Ирлэнда. Там же в Нортмунде мы наконец-то расстались со склочными соседками, и, увы, пришлось попрощаться с капитаном Стромом.

– Леди Мэделин, – отведя маму немного в сторонку, сказал он ей на прощание, – я должен сопроводить эту карету до Дэвона. А потом планирую взять перерыв в службе. Если вы не будете против, нагоню вас и сопровожу, куда скажете. Неправильно это, что вы и мисс Грейс совсем без защиты.

Графиня была в шоке от предложения, но это поняла только я, которая успела достаточно изучить эту, казалось бы, внешне ко всему равнодушную женщину. Мэделин вопросительно на меня покосилась, а я, недолго думая, медленно кивнула. Мне нравился Том, он предложил свою помощь не из корысти или похоти ради. Этот человек действительно просто переживал.

– Хорошо. Мы направляемся в Алон. Маршрут один, если догоните нас, будем признательны за помощь. И оплатим ваше время, как положено.

– Нет, денег я не возьму. Позвольте лишь ненадолго стать вам опорой.

Мэделин не знала, что на это сказать. Вот так, собственный муж кинул её, к тому же не единожды, а вот этот человек, за которым я внимательно наблюдала всё совместное путешествие, поступил как настоящий мужчина. То, как он относится к своим подчинённым, как себя держит, всё это убеждало, что Стром надёжный и ответственный человек. А ещё влюблённый

в графиню Лерой. Надо будет уточнить у мамы, как она к нему относится. Раньше я старалась не касаться этой темы, но, кажется, время пришло.

Дилижанс в сопровождении Тома и его команды отправился дальше. А мы остались дожидатьсянашего транспорта.

Глава 15

Проводив капитана Строма, вернулись в свою комнату на втором этаже станции. Снова относительно чистое сено на дощатом, скрипучем полу, одна кровать, где мы спокойно помещались вдвоём, стол у окна с распахнутыми ставнями и два стула.

– Мама, – я присела на стул и внимательно посмотрела на задумчивую женщину, – скажи, пожалуйста, тебе нравится капитан Том?

Мэделин удивлённо вскинула брови, затем не спеша развязала атласные ленты под подбородком и сняла симпатичную шляпку со своих белокурых волос. Положив головной убор на кровать, села напротив меня и ответила:

– Достойный ч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.